

Генри Кеннет Балмер Волшебники Сенчурии

Нелегко находить входы в иные Измерения, а тем более помогать другим людям проходить через них. Такое под силу только Проводникам - людям, способным с помощью своей внутренней энергии отыскивать нужные пространственно - временные порталы. Однако уникальные способности этих людей могут стать мощным оружием в руках мошенников. На Проводников началась настоящая охота! Находчивость, взаимовыручка, умение выживать в сложнейших ситуациях - вот основные качества, которыми обладают герои романов Кеннета Балмера.

Глава 1

Мысль об объемистом и сочном бифштексе, лежащем на голубой тарелке, с обильным гарниром и чашкой горячего кофе, гнала Скоби Редферна сквозь пургу. Черный снег валил с черного неба между сумрачными черными домами и Скоби Редферн, предпочитавший прокаленные солнцем пляжи, пальмы и белопенный прибой, ежился и поплотней кутался в пальто. Стояла темная и грязная ночь Нижнего Манхеттена, и движение в этот час было редким. Скоби сжал покрепче под мышкой теннисные тапочки и ракетки и поспешно свернул за угол. Он сыграл множество партий и до сих пор чувствовал себя разгоряченным. Ветер и снег слепили его.

На светофоре загорелся красный сигнал и летящий снег залило багрянцем, точно кровью с экрана цветного кино. Перед светофором затормозило одинокое такси и Скоби Редферн, нацелившись на него, ринулся в снежный вихрь очертя голову. Он распахнул дверцу, почувствовал, как изнутри на него пахнуло теплом и влез внутрь. Одновременно дверца с противоположной стороны тоже раскрылась и в нее ввалилась массивная фигура в пальто.

Они столкнулись на середине сиденья.

Редферн был подтянутым, широкоплечим юношей с копной волос цвета пакли. Выражение лица у него, как правило, бывало приятным, а манеры — обходительными. Вот и сейчас он сказал:

— Мне кажется, это мое такси.

Столкновение лоб в лоб не заставило незнакомца отступить и на миллиметр — напротив, отброшенным оказался Редферн. Этот человек, столь же рослый, как Скоби, был в то же время крупнее, тяжеловеснее. При свете светофора, уже сменившемся на зеленый, виден был его профиль с твердым подбородком и кустистыми бровями. Он кое-как устроился на сиденье и, обернувшись назад, захлопнул дверцу со своей стороны.

— Мы сели в него одновременно, — заметил он довольно любезно, но Скоби отчетливо услышал в его голосе обертоны, выдававшие, как ему показалось, неуверенность. Этот здоровяк был чем-то обеспокоен.

— Я был на тренировке и сейчас очень разгорячен и вспотел, — Редферн был не слишком расположен спорить. — Я могу запросто подхватить двустороннюю пневмонию в такой пурге. Незнакомец не ответил. Он продолжал смотреть через плечо, стараясь различить сквозь снег противоположную сторону улицы. Теперь уже напряжение в его позе читалось совершенно безошибочно.

Таксист оглянулся на них.

— Если хотите тянуть время, ребята, то дело ваше. А нет, так договоритесь между собой и скажите, куда везти.

— Ночь довольно гадкая, — заметил незнакомец, вздрагивая, будто его толкнули. Он передернул массивными плечами.

— Факт, — согласился Редферн, уже чуть менее воинственно. — Я направляюсь в ресторан, который...

— Меня это устраивает, — нетерпеливо перебил незнакомец.

— Так-то лучше, — заметил таксист, берясь за рычаг скоростей. — А то я небольшой умелец споры разбирать. Редферн назвал адрес ресторана и откинулся на спинку сиденья. Тепло в кабине и запах тающего снега на мокрой ткани пальто заставили его вновь задрожать — теперь уже от воспоминания. В свое время ему несколько раз случалось подраться и драки не оставили приятного впечатления. Скоби поглядел в окно, на косые линии летящего снега. Всю жизнь он сражался со властью имущими, боролся против косности и глупости, а это требует от человека большего, нежели просто физическая отвага.

Что-то большое, темное и какое-то омерзительное двигалось сквозь пургу. Снег мешал разглядеть как следует. Скоби приблизил лицо к стеклу.

Он услышал, как незнакомец резко втянул в себя воздух.

Затем он сунул руку за отворот пальто. Что-то ударило сбоку по кабине такси. Вытянув шею и полуоткрыв рот, Редферн увидел руку, тянущуюся к окну. Сквозь снежную пелену проникало достаточно света, чтобы он смог рассмотреть эту руку во всех ужасных подробностях. Он увидел, что эта рука покрыта блестящими желто-зелеными чешуями, что на этой руке два пальца и еще один отдельно стоящий, короткий и толстый, и все три увенчаны длинными, кроваво-красными когтями. Рука повернулась, сжимаясь в кулак, и чешуя блеснула в луче света. Каждая чешуйка вспыхнула по краям фиолетовой каймой, точно из-под нее пробивалось какое-то излучение. Кулак пошел назад, заносимый для удара. Тут таксист выжал сцепление, такси рванулось вперед и кулак исчез, успев перед этим нанести удар, отдавшийся в машине протяжным металлическим звоном, напоминающим удар гонга.

— Это еще что такое, Навуходоносор его побери? — удивился таксист, вертя головой.

— Град, — буркнул незнакомец. Он вновь расслабился, опустившись на сиденье.

— Град! — таксист притормозил. — Я уж лучше...

— Поезжай, — поторопил его незнакомец голосом, хлестнувшим, словно велосипедная цепь.

— Так ведь... — впрочем, такси не остановилось: внутри было тепло, а снаружи шел неприятный снег, да и в любом случае — машина-то ведь не его, не так, что ли? И таксист ехал дальше.

— Что, — проскрежетал Скоби Редферн голосом, напоминающим лязг ржавого ведра,

поднимаемого со дна колодца, — что это было?

— Вы видели?

Редферн сглотнул.

— Да. Какой-то олух в маскарадном платье...

— Вроде того.

Потом Редферн увидел «Кольт» сорок пятого калибра, который незнакомец заталкивал обратно под пальто. Редферн почувствовал тошноту.

— Если хотите, — произнес здоровяк медленно и подчеркивая каждое слово, — можете на ближайшем углу сойти. Скоби Редферн не был настолько глуп, чтобы вообразить, будто все это затеяно только затем, чтобы заставить его отказаться от такси. В конце концов, как бы холодно и неприятно ни было снаружи, на улицах ночного Нью-Йорка это не единственное такси.

И к тому же эта рука! Должно быть, это ярко раскрашенная игрушка из папье-маше для «галереи ужасов»... В этой когтистой руке не было ничего человеческого.

— Ну?

Редферн оглянулся и посмотрел сквозь заднее стекло. Падающий снег поглощал свет и тепло, скрадывая в уменьшавшейся перспективе отпечатки шин и припорошив немногочисленных пешеходов-снеговиков, ежившихся и втягивающих головы в плечи. Нигде не заметно было никаких признаков этой почудившейся Редферну темной тени.

— Там, снаружи... нежарко.

Незнакомец хмыкнул и, хотя не расслабился совершенно, все же некоторая часть напряженности покинула его. Такси прошуршало по луже подтаявшего снега и свернуло за ближайший угол. Редферн знал, что чудовищная рука ему не привиделась. Только чего ради этот крепыш из-за нее так переживает? Прежде всего, твердо заявил сам себе Скоби Редферн, рука была ненастоящая.

За свою недолгую карьеру Скоби Редферн сменил множество разнообразных занятий, большинству из которых положило конец обычное для него столкновение с уже укрепившимися в этих областях авторитетами. Машина остановилась перед ресторанчиком среднего класса, завсегдатаем которого Скоби бывал от одной зарплаты до дней безденежья перед следующей зарплатой, во время которых питался главным образом бутербродами. Оба пассажира вышли.

Из желтых светящихся ресторанных окон на заснеженный тротуар лилось веселое сияние. Богатые запахи готовки наполняли рот слюной. Скоби сунул ракетки с тапочками под мышку и направился к стеклянной двери.

— Я присоединюсь к вам, если можно, — сказал незнакомец.

— Конечно.

Стоило такси отъехать, как из снежной пелены, заволакивающей улицу, выскользнула другая машина. Редферн слышал, как она приближается, но не поднял взгляда, так как мысли его целиком были заняты воображаемым бифштексом. Тут же Скоби испытал удар в поясницу, словно его боднул взбесившийся козел, а в следующий миг он уже распростерся в снегу, и глаза его, нос и рот были забиты мокрыми белыми хлопьями. Пока Редферн отплевывался и кашлял, ледяной воздух был разорван трескучим грохотом. Звон стекла, рассыпающегося градом осколков, тут же сменился свирепым ревом автомобильного двигателя и взрывом испуганных криков. Незнакомец рядом с ним уже поднимался. Лицо его оставалось суровым, однако уголки широко рта изогнулись в намеке на удовлетворенную улыбку.

— С вами все в порядке?

— Вы мне чуть хребет не переломили...

— Когда головорезы графини переходят к грубой игре, приходится отвечать им тем же, только еще грубее.

— Да, конечно, — Редферн выплюнул снег и протер глаза и уши. Он поглядел на ресторан, из которого уже выглядывали встревоженные лица мужчин и женщин.

Весь фасад исчез, так что здание напоминало теперь вскрытую консервную банку.

Прежде, нежели Редферн успел мысленно разложить все по полочкам, незнакомец схватил его за руку — как раз повыше локтя и весьма болезненно — и поволок по тротуару за угол ресторана, в переулок. Вынужденный бежать, Редферн спотыкался о небольшие сугробы и вывалившийся из опрокинутых урн мусор. Переулок оказался завален разбитыми ящиками и размокшими картонными коробками. Они бежали быстро, дыхание вырывалось из ртов и ноздрей облачками пара. Примерно на середине переулочка Редферн уперся.

— Эй! — выпалил он, ловя ртом воздух. — В чем дело? Кто ты такой — какой-нибудь полоумный?

— Нет. Пошли. Они видели твое лицо. Теперь тебя знают.

Тошнотворный страх внезапно ударил Редферна в область желудка. Незнакомец потянул его дальше.

— Теперь я чувствую за тебя ответственность. Надо мне было вытолкнуть тебя из такси. Ты еще пожалеешь, что я этого не сделал. Да и неудивительно.

— Обожди-ка минутку...

— Да пошли же! Слушай, меня зовут Алек Макдональд. Ты угодил прямехонько в середину заварушки. Как только я доберусь до моего приятеля по имени Дэвид Маклин, все будет в порядке. Как мне тебя звать?

Редферн, дрожа, ответил.

— Ну ладно, Скоби. Пока мы не одолеем противников — трюгов и всех остальных — мы будем в положении лисы, которую гончие уже хватают за пятки. Уяснил?

Редферну все это не нравилось. Однако он слабо кивнул и побежал дальше. Он часто фантазировал о том, что было бы, случись ему угодить в приключения. Но почему-то вот так он себе никогда их не представлял — со снегом и всем остальным. И потом, этот человек, Алек — он никак не укладывался в образ гангстера. Скорее, он работает на силы закона и порядка.

Пытаясь развеселить себя подобными мыслями, Редферн трусил вслед за Алем. Он вспомнил ту историю, когда на краткое время связался с преступниками, работая в течение нескольких месяцев в лагере канадских лесорубов. Этот опыт убедил его, что закон и порядок обычно в конце всегда выигрывают, но также недвусмысленно дал понять, что пока конец не настал, может прийти донельзя солоно. В тот раз Скоби оказался вовлечен в события, не понимая как следует, что к чему. На этот раз, пообещал он себе, он для начала задаст побольше вопросов.

Впереди показался выход из переулочка — освещенный прямоугольник, заполненный снежной мутью. На слежавшиеся сугробы падала темная тень автомобиля. Алек резко остановился. Его мужественное лицо стало сердитым и упрямым.

— Это они? — спросил Редферн. Теперь он дышал нормально — пришло второе дыхание, сказывались занятия легкой атлетикой, научившие легко приспосабливаться к неожиданной нагрузке.

Алек кивнул.

— Да. Они видели, как мы нырнули в этот переулок.

Он извлек из кармана маленький транзисторный радиоаппарат и выдвинул антенну. Сильные пальцы бережно орудовали маленькими ручками настройки.

— Эта штукавина отказала. Но стоит еще разок попытаться.

Поднеся крошечный микрофон ко рту, Алек негромко, но отчетливо произнес:

— Говорит Буян. Точило, ответь, — он еще подкрутил настройку. Радио зашипело, словно жаркое на сковородке.

— Ничего, — с отвращением сказал Алек. Он сложил антенну и сунул бесполезный передатчик обратно в карман. На смену ему он извлек «Кольт» сорок пятого калибра.

— Может, этот окажется полезней, — по-медвежьи проворчал он.

Чувство полной потери ориентации, донимавшее поначалу Скоби Редферна, где-то посреди переулочка сменилось задорной уверенностью, что в присутствии этого медведя

Алека он и сам должен вести себя, как мужчина. Редферн фыркнул и заявил:

— Лучше поискать боковую дверь. Может, сумеем выбраться в соседний переулок.

Алек бросил на него быстрый взгляд. Потом его грубое, малоподвижное лицо расплылось в улыбке.

— Им нас не одолеть, Скоби, — сказал он до странности мягким голосом.

Им удалось найти боковую калитку и, пробежав сквозь грязные и вонючие кухонные зады, они оказались в другом переулке, где лежал толстый слой снега без единой отметины. Выходившие в переулок маленькие оконца отбрасывали на снег беспорядочные световые узоры. В конце переулочка маняще сиял прямоугольник освещенной улицы.

Алек с Редферном припустили на свет, пригнув головы и подняв воротники пальто. Алек держал руку с пистолетом в кармане. Снег у них под ногами слабо поскрипывал. Прежде, чем они добрались до улицы, Алек вновь попытался воспользоваться радиоустройством.

— Говорит Буян. Точило, черт подери, ответь!

Единственным ответом ему было шипение невидимой сковородки. Алек встряхнул маленькое радио. Попробовал еще раз. Бесполезно. Редферн занервничал.

— Лучше пойдем отсюда, — сказал он без особой уверенности.

Они двинулись дальше. Сквозь падающий снег долетел до них странный свистящий стук. Редферн посмотрел вверх, моргая глазами из-за летящих снежинок. Небо являло взору лишь черную крутящуюся массу снежных хлопьев. Алек схватил его за руку.

— Замри!

Что-то более черное, чем ночь, пронеслось над их головами. Редферн различил коренастую фигурку, болтавшуюся на конце вращавшейся и раскачивающейся лестницы. Он разинул рот. Револьвер Алека был направлен в небо.

До них долетел хриплый писклявый зов:

— Эй! Алек!

Прежде, чем хоть один из них успел что-либо сказать, по переулочку разнесся отчаянный бычий рев. Взгляд Редферна метнулся в другой конец переулочка.

Прямо на них мчалась фигура в длинном дождевике. На лицо ее была низко надвинута широкополая шляпа, но при скудном освещении Редферн ясно различил две алые горящие точки в том месте, где должно было находиться лицо. Он увидел две воздетых руки — две руки с кроваво-красными когтями и чешуей, мерцающей в рассеянном и отраженном от снега свете.

— Труг!

Алек отшвырнул Редферна в сторону. Его револьвер разразился серией трескучих хлопков, словно рухнувший шкаф с посудой.

Труг дернулся, но устоял. Он завопил пронзительным злобным голосом, словно разразившись серией паровозных гудков.

Маленькая фигурка, пляшущая на конце лестницы, вновь отчаянно зачирикала. Она спустилась пониже.

— Алек! Тебе известно, что не стоит щекотать труга! — нижние звенья лестницы чиркнули по снегу. — Дохлый номер, Алек! Хватай лестницу!

Лестница билась, словно живая. Алек ухватился за нее левой рукой и выпустил последний заряд в ревущего труга. Револьвер исчез у него в кармане с волшебной быстротой. Алек натянул лестницу и начал взбираться.

— Быстро, Скоби! — прокричал он.

Редферн ухватился за нижнее звено. Металл обжег холодом его руки. Он почувствовал, что лестница начинает подниматься. Скоби отчаянно оттолкнулся от земли ногами и его подошвы соскользнули. Он схватился за перекладину другой рукой, и вслед за тем его вознесло в воздух, мотая, как куклу. Алек прямо над ним держался за лестницу.

— Двигай, Моке! — крикнул он куда-то вверх.

Холод вгрызался в пальцы Редферна. Руки удерживали теперь весь его вес, ракетки и

тапочки исчезли внизу. Руки Редферна распрямились и, казалось, готовы были выскочить из суставов.

Труг внизу бешено приплясывал. Он задрал голову вверх и две точки хищно горели багровым пламенем. Редферн почувствовал, что соскальзывает. Эти длинные когти, поджидающие внизу, этот массивный зверь в его злобной ярости рывком приблизились к нему. Пришедшийся скользом страшный удар распорол ему брючину. Редферн соскользнул еще.

Он больше не мог удержаться. С отчаянным криком он ощутил, как пальцы отпускают холодную перекладину. Беспомощный, Редферн полетел вниз, навстречу лютующему там зверю.

Глава 2

Ноги Скоби Редферна ударились о голову труга. Какое-то мгновение он нелепо балансировал в этой позе, словно безумный акробат в сумасшедшем цирке. Из глубины переулка на них набегали еще две фигуры в дождевиках. Скоби заметил горящие злобой взгляды из темных провалов, находящихся на месте лиц.

За мгновение до того, как свалиться, он услышал сверху два голоса.

Мужской голос, с ехидными нотками и без признаков паники:

— Сара, перемещай нас!

Другой голос, девичий, задыхающийся, но также не испуганный:

— Мы находимся сейчас точно во Вратах — но этот труг!

Редферн уже падал в снег, когда до него донеслось медвежье ворчание Алека:

— Черт бы побрал этого труга! Вон еще бегут! Сара, ПЕРЕМЕЩАЙ!

Редферн продолжал крениться и ноги его соскользнули с могучих покатых плеч труга. Он попытался вскинуть руки, чтобы защититься от удара о снег — и почувствовал, что угодил ими в переплетение древесных веток. Листья хлестнули его по лицу. Нога скользнула по суку и Редферн с болезненным толчком уселся в развилке дерева.

Труг внизу неистово взвыл, взмахнул, пытаясь дотянуться до него, когтями, поскользнулся и опрокинулся спиной вперед. Его громоздкое тело пронизало переплетения листьев и веток. С затихающим воем труг свалился вниз с огромного дерева, кувыркаясь в воздухе. Мягкая широкополая шляпа отлетела в сторону и скрылась из виду, утонув в ковре растительности далеко внизу.

На какой-то невероятный миг Скоби Редферн усомнился в самом себе, посчитав, что сошел с ума.

— С тобой все в порядке, Скоби?

Он посмотрел вверх, откуда донесся оклик.

— Что?.. — Редферну пришлось сглотнуть, прежде чем начать сызнава. — Что случилось? Где?..

— Все нормально, Скоби, — с одной из более высоких веток вниз упала лестница. — Держи вот это и лезь наверх, — Алек качнул лестницу, так что она приблизилась к Редферну. — Мы тебе все расскажем, но сначала полезай сюда. Вид у тебя такой, будто ты можешь упасть в любую секунду. Весь дрожа и не веря, Редферн полез вверх. Алек сидел на небольшой аккуратной деревянной платформе, устроенной в развилке между двумя расходящимися ветками и стволом. Постепенно Редферн начинал воспринимать окружающую его сцену. Голову ломило. Он перегрелся, кровь прилила к щекам, пальто душило. Вокруг стояла жара.

— Он пережил немалую встряску, Алек, — заметила девушка, улыбаясь Редферну. У него не достало самообладания, чтобы улыбнуться в ответ. Может быть, позже. Девушка была живая и маленькая, с гладкими, ухоженными волосами медового цвета и мягким выражением наивного личика. Она была одета в крикливое платье «психоделического» стиля — в оранжевых, изумрудных и красных зигзагообразных полосках.

— Просто переведи пока дух, Скоби, — посоветовал мужчина. Он выглядел еще более необычно в своем тесном костюме цвета соли с перцем и в большой черной шляпе. Когда он стянул с себя эту шляпу, чтобы обмахнуться ею, оказалось, что волосы у него незапятнанной белизны. Лицо этого человека, покрытое морщинами и озабоченное, ясно указывало на жизнь, проведенную за усвоением жизненных уроков.

— Я Дэвид Маклин, а это Сара.

Редферн снова сглотнул.

— Кажется, вы спасли нам жизнь.

Алек засмеялся.

— Чертовски верно. Я имел представление, что где-то поблизости есть Врата, но...

— Но почему же ты не... — перебила Сара.

— Проклятущее радио совсем сдохло! — раздраженно ответил Алек.

Редферн обмяк. Рядом с деревянной платформой висела в воздухе маленькая овальная пластина из какого-то блестящего металла. В центре ее были установлены шесть сидений под стеклянным колпаком и с пультом управления впереди. С этой волшебным образом не падающей пластины свисала лестница. На глазах у Редферна откуда-то появилось небольшое создание, пробежало по веткам и лианам, с невероятной легкостью повисая при необходимости на одной руке, и, подогнув ноги, спрыгнуло на платформу.

— Труг грохнулся прямо в Кусачую Орхидею, — заявило это существо с явным удовлетворением.

Редферн разинул рот. Тело новоприбывшего от головы до пят едва составляло четыре фута, зато каждая из рук была ничуть не короче. Усаживаясь на корточки, этот человечек немислимым образом обмотал руки вокруг себя. Он был одет в маскировочную куртку с коричнево-зелеными пятнами и желтую тряпицу, обернутую вокруг бедер. Пояс, схватывающий его талию, блестел золотыми заклепками, и еще с этого пояса свисал в кобуре «Кольт» сорок пятого калибра, мачете в плетеных ножнах и тридцатипятимиллиметровая фотокамера «Кодак» отличного качества. Лицо у него напоминало мордочку мопса — огромный сплюснутый нос, большие блестящие глаза и извилистая линия губ, кривящихся в усмешке.

— Кровожадный ты дьяволенок, Моке, — сказал Маклин.

Впрочем, известие, похоже, принесло ему облегчение.

— Он, э-э?... — пробормотал Редферн. — Он настоящий?

Моке издал серию хрипящих и свистящих смешков, в которых слышалось добродушное удовлетворение. Сара захихикала.

Алек, внимательно глядя на Редферна, ответил:

— Моке — такой же человек, как любой другой, только он из древесно-живущих людей, и в своем родном измерении считается весьма умным и опасным. Не давай ему себя одурачить, и не садись играть с ним на деньги, — Алек бросил взгляд в сторону Моке. — Он мошенничает.

— Ты замечательный друг, Алек. Ну скажи, много ли у меня теперь шансов огрести легкие бабки?

— И еще, как легко заметить, — добавила Сара, — он подцепил несколько уличных жаргонизмов, что, по его мнению, делает его истинным...

— Измерение, — повторил Редферн. — Измерение?

— Этот вот мир, — объяснил Маклин, указывая на верхушки деревьев, на лес, на переплетение ветвей, синее небо и ослепительное солнечное сияние, — это измерение, параллельная вселенная, иной мир, который кое-кто называл неконгруэнтной реальностью, пока мы не указали на то, что он, да и все остальные измерения, очень даже конгруэнтны. В наивысшей степени.

— Ты к этому привыкнешь, Скоби, — утешила его Сара своим ласковым голосом. — Однако вам с Алеком повезло, что мы поймали достаточно сильный сигнал с его передатчика, чтобы вас запеленговать. Мы шмыгнули во Врата, подхватили вас, а потом

шмыгнули обратно...

— С тругом в придачу, — мрачно добавил Алек.

— И теперь, — заметил Маклин таким тоном, будто обсуждал состояние погоды, — графиня быстро обнаружит эти Врата и проникнет сквозь них, сама или одно из ее «альтер эго». В два счета.

— Стало быть?..

— Стало быть, нам пора двигаться. Я полагаю, никто больше не жаждет очень близкого знакомства с ее тругами. Редферн вздрогнул, несмотря на жару, и ответил страстным восклицанием:

— Нет!

Затем, как бы прорвав каким-то образом неощутимый барьер неверия в окружающее, он спросил:

— Но что это за место?

— Существует множество измерений, — объяснил Дэвид Маклин. Он шагнул на парящий в воздухе овал и опустился на одно из сидений. Остальные последовали за ним. Редферн испытал легкую дрожь опасения, ступая с платформы на чуть качнувшуюся овальную пластину. Алек автоматически прошел к пульту управления.

— Это скиммер, — пояснил Алек, бросая взгляд на Редферна. — Он происходит из параллельного мира под названием Альтинум. Дивное место...

— Но вот здесь-то!..

Маклин хихикнул, между тем, как Алек плавно направил скиммер прочь от гигантских деревьев, над простершимся внизу покровом из плотно переплетенных ветвей и листьев. Ярко-синее небо изливало на них потоки жары, и Редферн расстегнул воротник. Пальто, давно уже сброшенное, лежало бесформенной кучей у его ног.

— Это родной мир Моке. Его народ с удобством проживает на этих деревьях. Мир называется Мирциний, хотя мы знаем в нем только этот остров, который почти столь же велик, как Австралия. Между измерениями имеются Врата, и если у вас есть к ним ключ, — Маклин ласково поглядел на Сару, — ну, тогда можно переходить из одного мира в другой.

— Я — Проводник, Скоби, — объяснила Сара. — Иногда это превращается в проклятие, но гораздо чаще мой дар — всего лишь дополнительная привилегия тому, кто живет на этом свете.

Редферн медленно произнес:

— В это невозможно поверить, однако, верить приходится, ведь всего миг назад я был в заснеженном Нью-Йорке, а теперь я здесь, лечу над лесом, и солнце так ярко светит... — Он сощурился. — Ну, как бы то ни было, это перемена к лучшему.

— Так держать, Скоби, — весело проворчал Алек.

— К несчастью, — продолжил Маклин, — наш маленький план, имеющий целью расстроить замыслы графини, провалился. Теперь нам придется возвращаться на Землю через другие Врата, одни из тех, которыми мы пользуемся регулярно, и начинать думать сначала. Тебе повезло, Алек. Алек фыркнул.

— Я оставил Тома в отличной ситуации — у него все должно быть в порядке.

— О, я надеюсь! — встала Сара, слегка вздохнув.

— Графиня, — пробормотал Редферн. — Вы уже упоминали это имя. Кто...

Все начали говорить одновременно, потом замолчали, предоставив Дэвиду Маклину произнести, выделяя голосом каждое слово:

— Графиня Пердита Франческа Каммаччи ди Монтиверчи. Я нарушил бы приличия, назвав ее...

— Сукой! — выпалила Сара.

— ...но она очень опасная женщина. Она управляет большей частью измерения, называемого Ируниум, и много еще чем помимо того, и между нею и нами нет ни малейших дружеских чувств. — Сказав все это, Маклин остановился и покачал головой, после чего закончил:

— Будь очень осторожен, если столкнешься с ней, Скоби, хотя я бы тебе от всей души этого не пожелал.

— В ее распоряжении гнусное обаяние, огромная власть и целое войско вольных и невольных орудий, агентов и рабов. С тругами ты уже встречался, — Алек заложил скиммером длинный пологий вираж, чтобы избежать столкновения с более высоким растением, поднявшимся над лесной порослью. Несколько птиц метнулось в сторону. — Есть еще стражники-хонши, эти шипящие дьяволы, и матросы с ее личной барки, и несчастные создания, рабский труд которых она использует в шахтах для добычи драгоценных камней. Держись подальше от Монтиверчи, Скоби. Эта порция информации могла бы позабавить Редферна, не сознавая он очень ясно, что все, им услышанное, может оказаться жизненно важным, если он хочет остаться в живых и сохранить здравый рассудок среди этих странных измерений. Теперь он уже верил всему, иначе он вел бы себя, как слепой глупец. Каждое имя, каждый факт он должен старательно сохранить в памяти.

Маклин, достав карту Нью-Йорка, сосредоточенно изучал ее. Редферн с чувством душевной боли заметил знакомые улицы, площади и кварталы. Рассеянные по карте красные крестики перемигивались под ярким солнечным светом.

— Я думаю, вот здесь, Сара, — сказал Маклин, протягивая карту девушке и указывая ухоженным ногтем на красный крестик в районе западных семидесятих улиц. Та кивнула.

— А Моке может отвести скиммер домой.

Моке чирикнул и откинулся в кресле, подбрасывая пару костей своими немыслимо мускулистыми руками. Все его тело было покрыто тонкой шерсткой красновато-коричневого оттенка, словно у белки. Похоже, предстоящий полет был ему по душе.

— Да, — Алек покивал. — Поцелуй за меня Мифф.

— Она будет рада, что ты вернешься домой живой и здоровый, — задумчиво произнесла Сара.

Маклин оторвал взгляд от карты и улыбнулся.

— С Фезием все будет в порядке, Сара. Этому комку энергии ничто не в силах причинить вред.

— Знаю. По крайней мере, мне так кажется. Но все-таки он уже давно ушел, а Оффа говорил...

— Оффу с Фезием не одолеть целому подразделению, и тебе это хорошо известно. А теперь сосредоточься и ищи эти Врата. Мне необходимо выпить.

Редферн осознал, что эти люди подобрали его, занятые исполнением какого-то грандиозного замысла. Они ему нравились. Ему нравилось, как они общаются между собой. Он вел в Нью-Йорке одинокую жизнь, всеми заброшенный; родители его никак не желали переезжать с Центральных Равнин, а частая перемена места работы не позволяла обзавестись постоянными друзьями. Сейчас Скоби чувствовал, как в нем пробуждается интерес. Может быть, он нашел наконец-то людей, с которыми может свести знакомство на некой иной основе, помимо обычных эгоистических интересов?

За недолгое время своей любовной жизни Скоби Редферн успел сменить пару девушек, однако очень хорошо сознавал, что не готов подчиниться диктату какой-нибудь одной из них. Когда он женится — если вообще женится — он это сделает исключительно по собственному решению. Ни одна девица не может рассчитывать, что пустит в ход свои чары, бросится ему на шею и может потом ехать на нем верхом до конца жизни. На ком угодно, кроме Скоби Редферна!

Сара внезапно нарушила ход его мыслей, резко выпрямившись, будто ее ущипнули.

— Они близко! — воскликнула она.

Тотчас всеми овладела атмосфера напряженного ожидания. Редферн, не зная, что происходит или чего ожидать, почувствовал себя одиноким и беззащитным. Алек держал левую руку на приборах управления, а правой достал свой пистолет. Он перезарядил его еще на платформе. Моке тоже извлек оружие. Они озирались по сторонам, разглядывая ярко освещенные солнцем окрестности.

Скиммер вильнул, чтобы обогнуть еще одну купу деревьев. Когда они скользили по воздуху вдоль колеблющегося занавеса зелени, из тени под ветвями выпрыгнул другой скиммер. Вид этого парящего овала, более крупного, чем их собственный и покрытого не стеклянным колпаком, а металлической броней, показался Редферну несколько угрожающим. Алек закричал и послал скиммер в пике, под защиту веток деревьев.

Моке начал стрелять назад, держа пистолет обеими руками. Из отверстий в металлической оболочке преследующего скиммера проблескивали серии ярко-розовых вспышек. Спираль розового света преодолела расстояние между двумя машинами, пройдя прямо над их головами благодаря тому, что Алек еще больше ускорил спуск скиммера к деревьям внизу. Редферн почуял запах горящей шерсти, от которого шли мурашки по коже. Он закашлялся.

— Все точно, это ребята Монтиверчи, — проворчал Алек.

Он гнал скиммер по небу. Лавируя между вспышками розовых спиралей смертоносного излучения, они приближались к деревьям.

— Благодарю свою счастливую звезду, что это не порвоны!

— крикнул Маклин, держась за сиденье, сунув карту между коленей, а шляпу надвинув поглубже на лоб. — Графиня, по крайней мере, еще лучше, чем они!

Они вот-вот уже были готовы нырнуть в укрытие. Ветки и листья тянулись им навстречу. Но тут в задней части скиммера полыхнуло розовое сияние. Аппарат тряхнуло, будто в него угодил снаряд из противотанковой пушки. Он перевернулся. Редферн успел заметить древесную ветку, летящую ему в лицо. В панике он вытянул вперед обе руки. Ветка обрушилась на него, словно дубина великана.

Он почувствовал страшный удар и потерял сознание.

Глава 3

Чья-то нога пнула Скоби Редферна под ребра и он понял, что весь этот безумный эпизод не был сном. Он застонал. Голова сильно болела с одной стороны, там, где он приложился ею о ветвь. Коснувшись ее рукой, Скоби нащупал корку запекшейся крови. Его опять пнули. Он сел и попытался расцепить слипшиеся веки. Самочувствие было ужасным. Теперь болела уже вся голова, и тело тоже, а ощущение во рту было таким, будто ему только что повыдергивали все зубы.

— Вставай и становись в строй!

Голос был шипящий, угрожающий, неприятный. На этот раз Скоби Редферн продрал глаза и тупо уставился на пинавшую его ногу. Нога стояла на кафельном полу и Скоби слышал вокруг гомон и топот множества других людей, однако видел он все еще нечетко. Стоящий перед ним вновь занес правую ногу для удара. Башмак на ноге был темно-коричневый с кремовым верхом, очень некрасивый и вульгарный. Редферн ухватился за занесенную ногу и потянул. От рывка тело стоявшего человека грохнулось на Редферна сверху. Скоби пошарил вокруг себя — его кулак погрузился во что-то мягкое и он услышал грязное неаполитанское ругательство. Затем твердая деревяшка вторично опустилась на голову Редферна и он вновь отключился.

Когда Редферн снова пришел в себя, он лежал в темноте, на дурно пахнущей соломенной подстилке. Он застонал и попытался перевернуться. Чья-то рука придержала его за плечо и голос, говоривший по-английски со странным, как бы итальянским акцентом, сказал:

— Лежи смирно. Тебе нужно отойти.

Жестяная кружка с водой коснулась его губ, принесла блаженную прохладу, и Скоби жадно отхлебнул. Вода отдавала железом. Затем Скоби Редферн вновь уронил голову и погрузился в забытие, на этот раз уже больше похожее на естественный сон. Он просыпался после этого еще дважды и смутно сознавал, что болен. Потом стало посветлее и бледный солнечный луч проник сквозь зарешеченное оконце высоко в каменной стене, осветив

тюремную камеру, солому на полу и четырех человек с твердыми лицами, смотревших на Скоби с непонятным выражением.

— Теперь с тобой все будет в порядке. Мы обмыли тебе голову. Он застонал.

— Вода... — кое-как выдавил он.

Вновь ему дали напиться из жестяной кружки. Железистый привкус стал еще более явственным. Затем Скоби осознал, что из одежды на нем одни лишь серые шорты. Он оттолкнул кружку и капли воды упали на его голую грудь.

— Что?.. — проговорил он. Язык, казалось, распух и стал слишком большим. — Где?..

— Тебя бросили сюда хонши. Мы сняли с тебя одежду — от нее воняло. Отдыхай. Скоро принесут завтрак. Потом будешь работать с нами.

Говоривший с ним человек — темнолицый, изможденный, с буйной копной черных волос, казалось, нетерпеливо чего-то ждал. Он все время посматривал на крашеную деревянную дверь между двух грубых каменных архитравов. Из-за двери доносились, приглушенные ее толщиной, шаги идущих людей, стук копыт, шум разнообразных механизмов, создавая у Редферна впечатление какой-то загадочной и страшной деятельности. Где же он, как бы то ни было, черт возьми?

— Алек? — спросил он. — Маклин?

— Валкини подобрали тебя в том или ином измерении и доставили сюда. Ты теперь работаешь на графиню. Скоби рухнул на солому.

Он работает на графиню!

Это после всего, что рассказали ему новоприобретенные друзья, путешественники среди измерений! С глубочайшим ужасом он осознал, что угодил в переpleт, грозящий смертью — переpleт, из которого ему, может быть, не выбраться до конца своей жизни. Ибо он, конечно же, догадывался, что произошло.

— Только меня? — прохрипел он. — Больше никого?

— Никого.

Завтрак принесла пугливая полуголая девушка со злыми глазами, свалывшимися волосами и грязными ступнями. Когда один из мужчин попытался игриво ущипнуть ее, она в него плюнула и пнула его в живот. Тот сложился пополам, смеясь и кашляя одновременно. На завтрак был хлеб да каша. Редферн удивил сам себя, с жадностью набросившись на еду. Кто-то тщательно промыл рану на его голове и немного спустя боль утихла до терпимого уровня. Вскоре после этого за ними пришли хонши.

Подгоняемый вперед по коридору, Редферн старался держаться подальше от стражников.

Хонши, гнавший его перед собой, не был человеком. Пять футов шесть дюймов ростом, стоящая на кривых коренастых лапах, эта тварь имела морду, как у лягушки, с широко расставленными глазами и плоскими клинообразными щеками, желто-серую, с мазком синевы по скулам. Хонши носил красные доспехи и высокий конический шлем, на верхушке которого болталась веревочка с прикрепленными к ней тремя или четырьмя пучками волос. Редферну они ничего не сказали. Он ковылял вперед, подталкиваемый острым наконечником копья. Другие стражники-хонши гнали других мужчин и женщин. Большинство из них было одето в серые туники или в серые штаны и рубахи. Они шли каменными коридорами, постепенно углублявшимися, а воздух вокруг становился постепенно все более спертым.

Когда, наконец, они достигли квадратного помещения, вырубленного в скале, мужчины и женщины, как ни в чем ни бывало, принялись раздеваться. Получив от хонши нещадный тычок, Редферн снял шорты. Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Хонши ослабили на себе завязки доспехов, затем прошли вперед и стали внимательно наблюдать, как старик с жидкими седыми волосами раздает всем кирки и лопаты. Редферн получил кирку и взвесил ее на руке.

Девушка, тонкая, словно прут, со свежими рубцами на желтоватых боках и коротко стриженными черными волосами заметила его движение и покачала головой. Стражник-хонши наполовину обнажил свой короткий меч листообразной формы.

Редферн сглотнул и опустил кирку.

Так начался период тяжелой работы, во время которого Скоби Редферн обнаружил у себя мускулы, о существовании которых не имел понятия, когда трудился в лагере канадских шахтеров, и натирал на ладонях одни мозоли поверх других. Спина болела. Кожа его блестела от пота. Голова гудела. Казалось, очень долгое время он ударял киркой по стенам и потолку, обрушивая вниз град камней и обломки кристаллов, которые тут же нагружались лопатами в плетеные корзины и потеющие девушки уносили эти корзины на спине. Каждый час или около того они останавливались на десятиминутную передышку и про круг передавали мех с водой. Вода с густым железистым привкусом казалась нектаром.

Прошел первый день. Скоби Редферн спал в своей камере, словно одурманенный. Прошел второй день. И третий. Прошла неделя. Теперь он махал киркой более толково, не прилагая стольких усилий. Но бесконечный труд все продолжался, продолжался и продолжался. По крайней мере шестеро мужчин и женщин упало и их утащили за ноги у него на глазах. Во время работы ни у кого не было ни сил, ни желания, чтобы много разговаривать. Все, что Скоби там слышал, был обмен отрывистыми приказами или сообщениями. В камере люди спали, а потом вяло переговаривались. Все они были родом из разных измерений и все говорили либо по-итальянски, либо по-английски.

Один раз опрятно одетый человек в причудливо разукрашенных штанах и рубашке, обутый в двухцветные ботинки, спустился вниз посмотреть, как они продвигаются. Его темные волосы ярко блестели в подземном пронзительном свете. Обо, тот из сокамерников, который промыл Редферну голову, сохранивший, казалось, больше присутствия духа, чем остальные, выплюнул с ненавистью всего одно слово:

— Валкини!

Работа продолжалась. Теперь Редферн понимал, что они добывают драгоценные камни. В каменистой почве залегала фантастических размеров алмазная трубка. Они могли потратить годы и лишь оцарапать при этом ее поверхность. И работа все шла и шла своим чередом.

Затем в один невероятный день, после смены Обо угрюмо обратился к нему:

— Мы хотим совершить побег. Несколько человек. Нам нужны люди, сильные и не потерявшие присутствия духа. Ты присоединишься к нам?

Первой реакцией Редферна было полнейшее изумление. Побег? Мысль о нем почти не выходила у него из головы, но он не видел никакого способа ее исполнить. Он кивнул.

— Конечно. И я убью хонши, или Валкини, если придется.

Толстые губы Обо изогнулись в подобии улыбки.

— Тогда завтра. Тони нашел своего Проводника. С нами еще Галт, Карло, Нили. У них есть провизия и оружие.

— Оружие! Ну...

При всех его хвастливых словах, мысль об оружии и о собственном обещании встревожила Редферна. Он всегда не слишком любил военных, а огнестрельное оружие казалось ему отвратительным. Даже Алек с его «сорок пятым» не смог изменить отношения Редферна к оружию. Но он умел стрелять по мишени. Собственно, стрельба из пневматической винтовки ему даже нравилась...

Остальные, кто находился в камере, даже не побеспокоились посмотреть на Редферна и Обо. Их дух был уже сломлен. Редферн вспомнил о карах, которым сам был свидетелем, о небрежных пинках и ударах, о мужчинах и женщинах, забитых насмерть. Да, люди, решившиеся на побег отсюда должны быть совсем особыми людьми.

На следующее утро после завтрака, когда стражники-хонши пришли за ними, Обо подал сигнал. Редферн прыгнул на спину уродливой твари и обхватил ее руками за шею. Он ощутил грубую кожу создания под своими пальцами и в нем поднялась волна отвращения. Хонши вонял. Тут Обо выхватил у хонши копьё и с силой вогнал его стражнику в брюхо. Тело упало на пол. Другие люди, находившиеся в камере, закричали и замахали руками в панике.

Оказавшись за дверью, Обо повел Редферна сквозь толпу собравшихся рабов. Они не стали раздеваться и двинулись в противоположном направлении, куда Редферн еще ни разу не ходил. В дверном проеме под аркой путь им вновь преградил хонши.

Обо продемонстрировал ему копье и быстро проговорил:

«По особому приказу». Хонши заколебался, и Обо пронзил его копьем.

Они бросились по коридору.

Грубо обтесанные каменные стены постепенно уступили место слежавшейся земле. Коридоры разветвлялись раз за разом. Запах затхлости, заброшенности становился все сильнее. К ним присоединились еще четверо или пятеро людей в серых туниках. Один из них сунул Обо узел, который тот немедленно забросил за спину. Чуть позже подобный же узел вручили Редферну, и Обо сказал:

— Галт говорит, что один из его людей не справился. Его убили вчера. Ты займешь его место.

Они выбежали в квадратную комнату, куда открывались выходы шести тоннелей. В нее набилось около двадцати людей, несущих узлы, вооруженных мечами и копьями и, как заметил Редферн, некоторые даже с винтовками. Он никого из них не знал и почувствовал себя здесь чужаком. Но он желал убраться из этой адской дыры — шахты в Ируниуме и решил положиться на шанс, который получал, примкнув к этим людям. Один или двое бросили на него резкие и пытливые взгляды, как будто подозревали, что он может оказаться шпионом валкинов.

Один человек произнес надтреснутым голосом:

— Где Тони? Скоро хонши придут сюда за нами.

— Я скорее умру, чем вернусь обратно! — вскричала старуха, присутствие которой удивляло Редферна, пока один из мужчин не положил руку ей на плечо, обнимая и утешая. Вот, значит, одна из причин, по которой ему предложили присоединиться: он молод, силен и ни к кому не привязан. У входя в один из тоннелей произошло какое-то движение. Вбежало четыре человека во главе с молодым мужчиной, размахивавшим пистолетом. Его худое лицо с острым носом и узким ртом выдавало владеющее им возбуждение. Россыпь веснушек на носу и щеках и светлые, песочного оттенка волосы придавали этому человеку несколько мальчишеский вид. С ним была девушка, явно находившаяся в таком же возбужденном ожидании. Ее каштановые волосы блестели при свете ламп, а славное, веселое круглое лицо с задорно вздернутым носом было освещено внутренним светом абсолютной решимости. Девушка живо огляделась вокруг. За ухом у нее был пристроен ярко-алый цветок.

— Это Тони и его Проводница, Вал, — сказал Обо. Он посмотрел на двух других новоприбывших. Один из них был жирным валкином. Другой человек носил серые штаны и рубаху. — Но вот эти двое...

Тони подтолкнул Валкини и второго человека дулом своего пистолета.

— Вал говорит, что он здесь, все точно! — прокричал он.

Толпящиеся в комнате люди умолкли. Все знали, что сейчас решается их судьба. — Нужно еще разобраться с этими двумя Валкини...

— Пойдите! — торопливо перебил его человек в сером. — Я не Валкини. Я просто инженер...

Тут люди, перемещавшиеся по квадратной комнате, размахивая руками, загородили Редферну поле зрения и инженер внезапно замолчал. Девушка по имени Вал, которую называли Проводницей, издала вдруг победоносный вопль. Она показывала на узкую вертикальную шахту, с виду заброшенную и обвалившуюся. В нее свисала исчезающая в темноте веревка.

— Туда, — приказал Редферну Обо. — Там наш путь в иной мир! Наше спасение от всего этого кошмара! Один за другим мужчины и женщины вскидывали на спины свои тюки и соскальзывали по веревке. Некоторые несли фонарики, которые мигали и искрились, заставляя тени метаться по стенам и потолку. Девушка сидела на краю шахты и смотрела вниз. Ее лицо сосредоточенно напряглось. Собирающаяся в ней энергия отражалась в чертах

и вся незрелость, все задорное веселье, вся дразнящая женственность покинули их — словно и не было никогда на этом лице другого выражения, нежели теперешняя гипнотическая сосредоточенность. Огоньки, скользившие вниз по шахте, вздрагивали, а потом странным образом, один за другим, исчезали. Будто кто-то кидал зажженные спички в лужу.

— Мы покидаем это проклятое место, — прошептал Тони. — Валкини, хонши, всю эту мразь! Уходим через Врата в новый мир, свежий и чистый — в мир, где мы сможем обрести свой народ, вернуться домой, начать новую жизнь! Обо подтолкнул Редферна к шахте. Тони яростно говорил что-то двоим валкинам, возбужденно размахивая пистолетом. Редферн расслышал что-то о Вратах сквозь измерения, о том, что будет найден новый мир, лучше, чем этот. Он ухватился за веревку, грубую и колючую даже для его мозолистых ладоней. Он не был одним из этих людей, однако он был готов спуститься в заброшенную шахту и довериться им. Последним, что он услышал, был крик Тони: «Мы не хотим, чтобы такая мразь, как вы, марала наш новый мир!» Редферн прыгнул в шахту.

Огни наверху враз исчезли из виду. Он больно ушибся плечом о стену. Веревка скользила мимо. Редферн ударился о дно.

Какое-то мгновение он не мог понять, где находится. Потом вдруг снова упал — в белую круговерть. На него жестоко обрушился холод. Редферн покатылся кувырком вниз по снежному склону, взметывая беспомощным телом облака и полотнища снежной пыли.

Холод разрывал его на части.

Кто-то схватил его за руку и силком поднял. Мужчины и женщины с криками и воплями метались вокруг. Над головами низко нависло угрожающее свинцовое небо. Снег вихрился. Холод был таким сильным, что Редферн буквально чувствовал, как его тело съеживается и дрожит. Снег заметал все.

— Где мы, черт подери? — заорал один из мужчин.

— Этот мир — это не тот мир, какого мы ждали! — визжал кто-то у него над ухом. — Мы должны остановить остальных. Скажите Вал, пусть остановит перемещение! Выше по склону внезапно образовалось из ничего тело очередного беглеца.

Тони упал в этот новый мир, широко раскинув руки, и столкнулся с теми, кто пытался взобраться по склону ему навстречу. Все вместе они скатились вниз в облаке взвихренного снега.

— Мы замерзнем здесь насмерть! Спрятаться некуда!

Редферн лихорадочно оглядывался вокруг. Ну конечно, конечно же, во имя всевышнего, он должен был вернуться в Нью-Йорк! Наверняка. Холод терзал его куда более жестоко, чем, насколько он помнил, той последней ночью в Манхеттене; и все-таки он должен был вернуться домой. Должен, и все тут! Однако вокруг раскинулась во все стороны унылая пустошь. Ни огней, ни машин, ни зданий и небоскребов — ничего от Нью-Йорка. Лишь огромная белая пустота, вой режущего ветра да рев нестихающей вьюги, обрушивающейся на них, словно летающие ножи в руках демонов с какого-то застывшего уровня преисподней.

Люди пытались взобраться обратно по склону, оскальзывались и падали.

Появилась Вал, скатилась вниз, села. Ее лицо и волосы были сплошь в снегу. Она в ужасе огляделась вокруг.

— Что случилось?

Вал в отчаянии сморщила лицо.

— Мы не можем вернуться! — закричала она, оглядываясь на склон. — Сотни стражников хонши... Валкини... они ворвались, когда я прыгивала! Нам придется остаться здесь!

— Но мы не можем! Мы замерзнем насмерть!

— Замерзать здесь — или вернуться, чтобы быть там застреленным или замученным до смерти! Что выбрать?

Глава 4

Скоби Редферн стучал зубами. Кожа потеряла чувствительность и как будто отстала от костей, дыхание вырывалось изо рта струей пара, словно из трубы старинного паровоза, несущегося на бешеной скорости. Мужчины и женщины вокруг развязывали узлы и вытаскивали шарфы, пальто, одеяла — что угодно, лишь бы в это можно было завернуться, защитив себя от морозного воздуха и снежного вихря.

Что-то в их предприятии — вернее сказать, вообще все — пошло катастрофически неладно.

— Мы должны вернуться обратно!

Тони смотрел назад, на снежный склон, на лице его застыла жалкая гримаса отчаяния. Вал прижалась к нему, тяжело дыша. Ее напряженное лицо побелело и выражало панику.

— Мы не можем! Там были хонши и Валкини... нас перебьют!

Крупный мужчина с короткой, но очень густой и черной бородой протолкался вперед. Он набросил на плечи одеяло, уже побелевшее от покрывшего его снега. В глазах у него сверкала ненависть, хитрость и гнев.

— Нет ли здесь еще одних Врат, Вал? Арлана ради, побыстрей, девочка! — он говорил по-английски с сильным акцентом.

Вал, дрожа, покачала головой. Она обхватила себя руками и дрожала.

— Может быть и есть, Галт! Они часто находятся друг возле друга... Но этот холод! Я не могу их почувствовать... Не могу думать...

Тони схватил девушку за руку, бородач — за другую. Они трясли ее, умоляли. И дыхание все время вылетало белыми облачками у них из ноздрей и ртов, а жестокий холод терзал их, словно ножами.

— Я попытаюсь! — закричала она. — Дайте мне сосредоточиться!

Ее перестали трясти. Остальные беглецы столпились вокруг, дрожа и ежась, с напуганными лицами. Снег несло на них волнами, так что брови у всех уже побелели от инея, а ресницы непрерывно моргали, стряхивая позванивающие кристаллики. Женщина, стоявшая чуть выше по склону, чем основная масса людей, закричала. Она показывала на что-то пальцем. Вглядываясь в густую завесу вихрящихся снежных хлопьев, Редферн увидел, как из ничего появляются хонши. Их плоские морды, увенчанные высокими шлемами с этими загадочными лоскутками волос и кожи, при виде этой неожиданной белизны принимали выражение, как у испуганных лягушек. Галт издал глубокое горловое рычание и вскинул винтовку. Его одеяло соскользнуло с плеч, исчезнув в белом мареве. Он принялся бешено стрелять. Хонши разбежались в разные стороны. На их месте возникла группа Валкинов, их нелепые рубахи с широкими штанами защищали от холода ничуть не больше, чем серые туники беглецов. Началась пальба. Снег окрасился кровью.

Редферн чувствовал себя голым и беззащитным. Страх его вошел в новую стадию: им овладела сильнейшая экзальтация, словно при высшей степени опьянения. Он увидел сквозь падающий снег, что хонши пытаются окружить их, а валкины стреляют сверху. Он увидел и услышал, как девушка рядом с ним вдруг упала, словно брошенный наземь мешок, издав горлом сразу же оборвавшееся бульканье. Он слышал треск винтовок и свист пролетающих мимо пуль. Он видел, как Тони стреляет вверх, по валкинам из своего игрушечного пистолетика. Он видел мужчин и женщин, падающих в снег.

Один из мужчин закричал и наклонился над упавшей девушкой. Пока он наклонялся, в него, должно быть, попали, так как он не остановился, а продолжал движение до тех пор, пока бессильно не распростерся в снегу, наполовину придавив собой девушку. Винтовка выскользнула из его обмякшей руки. Не успев даже подумать, Редферн подхватил винтовку. Кажется, это была затворная винтовка, заряжающаяся с казенной части, наподобие американской винтовки «Спрингфилд» времен первой мировой войны, 30-го калибра. Редферн поднес ее к плечу, лихорадочно стиснув деревянное ложе и чувствуя обжигающий, как огнем, морозный укус металла. Обо взмахнул своим копьем, собираясь метнуть его; затем вздрогнул, покачнувшись назад и вперед, выронил копье и упал в снег ничком.

— Обо! — отчаянно вскричал Редферн и нажал на спусковой крючок.

Он ясно увидел, как один из хонши дернулся, будто его пнули в живот, и упал, подняв вихрь снежинок. Редферн снова нажал на спуск и услышал сухой щелчок бойка.

Рванув затвор, Скоби склонился над мертвецом. Обо не двигался. Он тоже был мертв. Обоймы с патронами находились в мешочке, привязанном к ремню покойника. Редферн сам поразился скорости, с которой он выхватил заряд и вогнал его в магазин. Он щелкнул затвором и принялся стрелять вверх по склону. Сквозь снег он различил фигуру стреляющего валкина и, быстро прицелившись, выстрелил по нему. Но не успел он выстрелить, как валкин исчез.

— Они возвращаются обратно через Врата! — взревел Галт.

Он победно размахивал винтовкой. — Мы побили их!

Редферн вновь удивил себя, проворчав:

— Они бросают нас здесь умирать!

— Они погонятся за нами, снарядившись полной защитой, — возразил Галт.

Вал бросилась вперед, лицо ее осветилось радостью.

— Есть узловая точка, Галт! Я ее чувствую — вон там, где лед!

Тони держался за левую руку, между пальцами просачивалась кровь. Его худое лицо, казалось, сделалось еще уже от пережитого потрясения.

— Мы не продержимся долго... — пробормотал он.

— Веди нас, Вал! Быстро! Отыщи эти Врата, пока мы все не замерзли до смерти!

Вал повела их по льду и все стали скользить и падать в тех местах, где ветер, сдув снег, обнажил поверхность черного льда, предательского и твердого. Всего одиннадцать человек добралось до конца пути. Остальные погибли в короткой, но беспощадной перестрелке.

— Я даже не научилась еще быть Проводником... Бежать от графини, чтобы умереть вот так! — горько произнесла Вал. Без малейших угрызений совести Редферн содрал одеяло с плеч человека, лежавшего поперек тела мертвой девушки. Он расстегнул его пояс с ружейным припасом и затянул им потуже собственную талию. С левой стороны на поясе висел штык, бившийся о бедро при ходьбе.

Редферн двинулся следом за остальными. Это был не Нью-Йорк. Теперь, после всех этих суматошных происшествий, Скоби точно знал, что накрепко связан с этими людьми.

Ируниум определенно не для него.

Измерение его спутников называлось Монтрадо. Судя по тому немногому, что он успел услышать, это место вполне могло ему подойти. По крайней мере, до тех пор, пока он не вернется на Землю — настоящую Землю...

Дыхание становилось мучительным. Ноги скользили по льду. Редферн поравнялся с другими и поддержал левой рукой Тони, который оперся на его руку, бросив на Скоби удивленный и признательный взгляд. Дальше они побрели вместе. Ветер нес по льду длинные зигзагообразные волны поземки, хлеставшие путников по ногам. Вал далеко впереди возглавляла шествие. Редферну не раз приходилось останавливаться, чтобы поддержать шатающуюся девушку или тяжело нагруженного мужчину. Сбившись в тесную группу, пригнув головы навстречу завывающему ветру, они пробивались сквозь снег и лед. Редферн натолкнулся на внезапно остановившегося Галта. Лица людей выглядели белыми и измученными, глаза лихорадочно бегали, губы покрылись корочкой льда. С отчаянной надеждой они смотрели, как Вал медленно поворачивается, напрягая чутье.

Наконец она остановилась. Тело ее изогнулось напряженной дугой. Она тихо забормотала что-то про себя. Потом заговорила вслух, с таким видом, словно только что вышла из транса:

— Это здесь! Но они маленькие, маленькие и трудные! А я устала...

— Ты должна сделать это, Вал! — взмолился Галт. — Должна...

Он подтолкнул женщину вперед. Ее стройное тело дрожало от страха и холода.

— Куда они ведут?

— Я сама точно не знаю — как же я могу сказать? — глаза Вал вдруг широко

распахнулись. Губы раздвинулись. Снег беспощадно падал на ее запрокинутое лицо. — Может быть, это... нет! Нет, я не знаю...

— Ну так и ладно! — Галт обнял женщину своей толстой рукой за талию, стараясь утешить ее. — Я пойду первым! Перенеси меня и дай несколько секунд, а затем верни обратно. Теперь — быстро, иначе мы все погибли.

Галт исчез, словно задутое пламя.

Вал тяжело дышала, ее напряженное тело дрожало — а затем Галт появился вновь. Теперь он держал винтовку у плеча и целился из нее.

— Кажется, все нормально! — он передернул плечами, когда холод впился в него с новой силой. — Камни, песок и солнце. Никакого снега...

— Переноси нас! — взвыл Тони, поддерживаемый Редферном.

Галт исчез. Исчез Тони. Исчезла худая женщина. Один за другим, беглецы переносились сквозь измерения в иной мир. Все, что почувствовал Редферн во время перехода, была внезапная короткая судорога.

Затем он обнаружил, что стоит в каменной чаше, залитой солнечным сиянием — удивительным, согревающим, ободряющим, феерическим солнечным сиянием, под которым оттаивало его замерзшее тело.

Вал перенеслась последней. Снег на одеялах, шарфах и туниках начинал таять и стекать ручейками блестящей на солнце воды, оставляя на камнях мокрые пятна и быстро высыхая. Редферн облизал губы. Губы болели.

— Вода, — произнес он. — Может быть...

Галт резко кивнул.

— Некоторые из вас останутся здесь. Ты останешься, Вал.

Остальные пойдут на разведку.

Он говорил по-английски плохо и с акцентом, понимать его было затруднительно. Некоторые из остальных говорили по-итальянски, некоторые — по-французски. Не все, как успел выяснить Редферн, были родом из Монтрадо. Поэтому говорили на тех языках, которыми пользовались валкины. Доставить всех по домам, в разнообразные миры, будет большой проблемой. Может быть, подумал Редферн с неожиданной горечью, может быть, ему никогда уже не вернуться на Землю. Он пошел вместе с Галтом и еще четверьмя — двумя мужчинами и двумя девушками. Они лезли вверх по узкому пыльному проходу в окружающих чашу скалах до тех пор, пока не оказались на плоской вершине валуна, исторгнутого, надо полагать, недрами в мрачном вулканическом кошмаре первых дней творения.

— Если все это — сплошная пустыня... — тут Галт оборвал фразу. Далеко на горизонте отчетливо виден был сквозь сухой воздух протяженный горный хребет, а у его подножия раскинулась обширная область лесов и поросших травой полян, зеленых и светлых, переливающихся на солнце и манящих. Все остальные издали победоносный крик. Вал перевязала руку Тони и казалось, дела его идут на поправку. Пуля из раны вышла и кость осталась цела. Он носил руку на перевязи, немного ею рисуясь.

Девушка с рыжими волосами и сдобным щекастым лицом огляделась вокруг и вздрогнула, затем вновь расслабилась.

— На мгновение, — сказала она сдавленным голосом, — на мгновение мне показалось, будто это мой мир, Нарлинга. Если бы так!

— Мы все вернемся домой, в свои измерения, Нили, — непреклонно заявил Галт.

— Да! О да! — вскричало в ответ сразу несколько голосов.

Редферн перехватил взгляд Вал. Та улыбалась дрожащими губами, однако оба отчетливо поняли, о чем они сейчас вместе думают. Оба сознавали, что путь домой будет нелегким и многие из этих людей никогда уже не увидят своих родных измерений.

Маленький отряд двинулся вперед, к горам и лесу. Галт, сильный и негибемый, гордо выпятив свою черную бороду, пошел во главе.

Судя по всему, полдень только что миновал, так как Редферн на ходу заметил, что

солнце в небе снижается. Он не был достаточно подготовлен, чтобы решить, каких условий следует ожидать в ином измерении, однако казалось логичным, что гравитация, атмосфера и течение времени должны совпадать. По крайней мере, он на это надеялся. Они угодили ведь в измерение, где царил холод, так что, может быть, вполне могли оказаться и в мире, лишенном воздуха, или с множеством солнц, или с каким-нибудь иным роковым сочетанием астрономических условий. Немного погодя Редферн обнаружил, что идет рядом с Вал, по-прежнему поддерживая Тони.

Девушка улыбнулась ему.

Ее круглое, свежее лицо сохранило еще детскую припухлость, карие глаза излучали тепло, которое Редферн нашел очень ободряющим. Под серой туникой проглядывали очертания тела, в которых ощущалась гибкость и сила. Вал шагала вперед свободным, упругим шагом.

— Ты с той Земли, которую, как я слышала, называют еще Терра? Редферн кивнул.

— А ты из Монтрадо?

Лицо девушки осветилось, в ее словах зазвучали воспоминания.

— Это чудесный мир! Полный света, солнца и чистого воздуха. Там, где я живу, протянулся пляж в десять миль длиной из самого золотистого, чистого, блестящего песка, какой только можно себе представить. О, как мне недостает Монтрадо!

— Как же ты угодила сюда? То есть, я хочу сказать, в Ируниум? — поспешно прибавил Редферн. Вал скорчила рожу.

— Мы отправились отдохнуть компанией на песке... Подплыл маленький кораблик — такой дружелюбный, такой спокойный. С кораблика спрыгнули люди и подошли к нам. Мы боролись, но нас все-таки схватили, — Вал глубоко вздохнула при этом воспоминании, ее ореховые глаза потемнели. — Мы даже не поняли, что происходит. А потом, когда мы вышли в море — мы, корабль, море...

— Нас переправили сквозь Врата в другое измерение, — перебил Тони. Желчь в его голосе заглушила боль. — Мы увидели другое море и совсем другой берег. Мы все испугались.

— А потом, много времени спустя, нас провели уже сквозь другие Врата и доставили в странный город. Мы видели там... всякие вещи. А потом нас отправили в Ируниум. Редферн сразу же понял, в чем проблема.

— Значит, вы попали сюда не прямо из Монтрадо? Я имею в виду — в Ируниум, конечно. На то должна быть своя причина.

— Да, — просто подтвердила Вал. — Я знаю. Я обучалась философии языка — тому, что вы, наверное, назовете филологией, — произношение Вал было очень чистым, и все-таки английские слова в ее устах приобретали неуловимую инородность, словно диковинный привкус экзотического плода. — Я была очень расстроена, когда мне сказали, что я тоже обладаю этой ужасной силой — переносить людей через измерения. Эта сила дремала во мне, как бывает она сокрыта во многих людях, остающихся об этом в неведении на протяжении всей жизни. Поэтому графина и ее ученые стали меня тренировать. Я узнала, что не все измерения взаимосвязаны: приходится миновать одно-два, а иногда и больше, прежде чем доберешься до того, которое тебе нужно.

— Как в лабиринте.

Вал грустно кивнула. Легкий ветерок повеял над опаленной солнцем равниной. Горы не становились заметно ближе. День близился к концу. Ноги Редферна начали болеть.

— А я изучал философию Арлана, — невыразительно произнес Тони. — Галт — великий человек! — он был нашим профессором. С помощью дисциплин Арлана можно достичь идеальной удовлетворенности и ориентации, так что никакое посюстороннее влияние не сможет рассеять концентрацию твоего внутреннего "я", — Тони горько рассмеялся. — Сейчас Арлан кажется таким далеким.

— А те, другие? — спросил Редферн.

— Некоторые — студенты, учившиеся вместе с нами. С другими мы подружились в

копьях, в мастерских или невольничьих перевалочных центрах графини. Были люди и из твоего мира, Скоби, но сейчас уже никого из них с нами в живых не осталось.

Редферн не смог ничего на это ответить.

— Мы надеялись прорваться в другое измерение, — продолжал Тони, — основать там убежище, в которое переправить всех остальных и выступить потом в путь, обратно в Монтрадо. Вал узнавала все больше и больше о ремесле Проводника...

— Меня учили — уж это точно!

— Когда она узнала достаточно, чтобы чувствовать Врата, мы решили, что сможем прорваться. Мы собрались в старой, заброшенной штольне и ждали. Когда Вал удрала из тренировочной школы...

— Тренировочной школы! — воскликнул пораженный Редферн.

Вал задрожала.

— Графиня отлично управляет делами, все у нее очень хорошо организовано. Она отлавливает людей во многих измерениях, а когда среди них встречается потенциальный Проводник, вроде меня, она посылает его в свою школу. Там его обучают работать для нее.

Новая мысль пришла в голову Редферну — вернее сказать, она поразила его, словно луч лазера: каждый хочет вернуться в свое собственное измерение. Сейчас они направляются к горам в поисках воды и убежища, ведомые Галтом, энергично и повелительно шагающим впереди. И все-таки... все-таки самая важная здесь — Вал. Она и только она одна обладает силой, способной переправить их всех домой. Только она является для них ключом к измерениям. Для него Вал — ключ к Земле, а для нее самой, Тони и Галта она — ключ к Монтрадо. Вспомнив о пулях, свистевших вокруг ее головы, об угрозе снега и льда, о неведомых опасностях, поджидающих впереди, Редферн вспотел. Если с ней что-то случится, все они окажутся заброшены среди измерений!

В тот миг и в том месте Скоби Редферн принял решение приглядывать за Вал самым заботливым, самым дружеским, самым попечительским взглядом. Только так.

У подножия деревьев мигнула вдруг яркая вспышка, словно солнце, отразившееся в гранях кристалла — мигнула и исчезла. Отряд двигался дальше, обмениваясь восклицаниями, связанными с этой вспышкой света, дивясь и всматриваясь — не повторится ли странное явление. Свет мигнул еще дважды — словно солнце отражалось от движущейся полированной поверхности.

Двое мужчин и девушка внезапно остановились. Они образовали одинокое трио, стоящее чуть в стороне от общего пути, и с сомнением глядели вперед. Чуть ниже среднего роста, с коренастыми телами и короткими толстыми ногами, они были родом из какого-то неизвестного остальных измерения. Волосы свои, черные и гладкие, они заплетали в косы, увязывая их соломой. Никто из них не имел винтовки, но мужчины держали длинные копья с зазубренными наконечниками, а у девушки на поясе поблескивал длинный кинжал. Они поговорили между собой на горловом, булькающем языке, а потом их вожак, человек по имени Тасро, окликнул Галта, нетерпеливо призывающего их жестами идти вперед.

— Здесь есть враждебные силы, — сказал Тасро по-английски с сильным акцентом. — Дурные силы. Мы не хотим идти в том направлении.

— Нам нужно держаться вместе! — решительно произнес Галт.

— Тогда идемте с нами, — сказала девушка. Ее толстые губы блестели, в глазах виден был страх. В группе нарастало ощущение беспокойства. Тони не снимал свою раненую руку с перевязи, тяжело опираясь на Редферна. Он сказал:

— Я не смогу далеко пройти. Мы должны идти прямо вперед, самым коротким путем. В лесу должны найтись вода, пища, убежище.

— Нет! — закричал Тасро, потрясая копьем. — Впереди нас ждет опасность и смерть!

Худая женщина с белыми волосами и хрупким лицом, чьи большие серые глаза были полны боли, заколебалась:

— Мне тоже не уйти далеко, — вздохнула она. — Мне нужен отдых...

Оставшийся мужчина — сильный рыжеволосый юноша с широким мечом на боку и

«Спрингфилдом» за спиной, заботливо поглядел на седую женщину и обернулся к Галту.

— Может быть, нам стоило бы сейчас отдохнуть и все обсудить...

— Если мы разделимся, Карло, как же нам тогда пробраться сквозь измерения? Вал должна пойти с нами, — очень решительно заявил Галт.

Тасро и два его коренастых товарища смотрели угрюмо.

— Вал может и с нами пойти. Тогда она останется в безопасности.

Женщина Галта, стройная, с покрытым морщинами лицом и дрожащими руками, крикнула:

— Вал должна остаться с нами! Она из Монтрадо, как и мы.

— Предоставь разговоры мне, Мина! — бросил ей Галт.

Группа собралась в кружок. Все говорили одновременно, спорили, стараясь переубедить друг друга. Редферн, как обычно, расстроился из-за неспособности людей договориться друг с другом. Понимание достаточно нелегко наладить даже между теми, кто говорит на одном языке и живет в одном городе, когда же в конфликт вступают носители разных языков из различных измерений, результат оказывается близок к Вавилонскому столпотворению.

— Арлана ради! — прокричал Галт, перекрыв общий гомон.

— Слушайте! Тасро, если ты и твои соотечественники из Тоттхорета не сможете привести нам убедительных причин, почему мы не должны следовать кратчайшим путем, тогда мы пойдем прямо! Говори!

Тасро только тяжело покачал головой.

— Я не могу назвать ясных причин. Просто там опасность.

Мы ее чувствуем. Мы понимаем такие вещи. Нас не ослепляют шоры науки.

— Наука — вовсе не шоры! — вынужден был запротестовать Редферн.

Трое из Тоттхорета посовещались между собой. На их лицах ясно читался страх, который они испытывали. Потом девушка, которую звали Паттхи, сказала:

— Мы не можем идти дальше. Лучше мы останемся и поселимся здесь навсегда, если Вал не захочет пойти с нами, чем подвергнем себя опасности развоплощения... С лица рыжеволосого юноши по имени Карло сбежала краска.

— Развоплощения?

Паттхи энергично кивнула.

— Впереди опасность. Странные силы, которые могут оторвать душу от тела... Галт разразился громохочущим смехом.

— Глупости! Будем держаться все вместе и отдохнем, а потом найдем другой Портал и Вал отправит нас всех домой! Взмахом руки он велел группе вновь выступать. Трое из Тоттхорета упрямо оставались на месте. Двое мужчин держали зазубренные копья, небрежно опустив их вперед. Редферн незаметно позволил винтовке соскользнуть в ладонь и приготовился в случае необходимости быстро освободить левую руку, которой поддерживал Тони. Ему не нравилось, как складываются обстоятельства.

Вал твердо и решительно заявила:

— Я не могу оставить своих друзей из Монтрадо. Я должна остаться с ними. Мы были бы рады вам всем. Но если кто-то хочет отделиться, я не могу ему помешать.

— Я остаюсь с тобой, Вал, — ровным голосом произнес Редферн.

Рыжий юноша сглотнул слюну. Он посмотрел на седую женщину с худым телом и трагическими глазами.

— Я не знаю... — прошептал он.

Женщина положила ладонь на его руку.

— Карло. Ты не должен думать обо мне. Я вынуждена идти кратчайшим путем. Но ты мне ничем не обязан. Ее слова как будто послужили сигналом — трое из Тоттхорета двинулись прочь, направляясь к лесу наискось от первоначального направления, таким образом, что должны были достичь линии гор и предполагаемого убежища на расстоянии многих миль от основной группы.

Нили, девушка с рыжими волосами и одутловатым лицом, несущая за плечом «Спрингфилд» с таким видом, будто это была метелка, прокричала:

— Я иду с Вал! Я помогу вам, мать Хаапан. Пусть Карло уходит!

С громким, нечленораздельным криком Карло бросился следом за удалявшейся троицей таттхоретцев. Он размахивал руками. Винтовка прыгала у него за спиной. Женщина по имени мать Хаапан придала своему лицу выражение строгой решимости. Нили обняла ее рукой за талию.

Галт выглядел так, будто ему нанесли личное оскорбление.

— Ну ладно, — брюзгливо произнес он. — Им же хуже. Мы должны наверстать упущенное время. Идем! Двинувшись вместе с остальными, Редферн, вновь забросивший винтовку за плечо, не мог про себя решить, кому же все-таки будет хуже. Этот парень, Тасро, и его друзья — они выглядели абсолютно убежденными в том, что говорили. Ничто не могло заставить их приблизиться хоть на шаг к этому загадочному блеску среди деревьев.

Группа, уменьшившаяся до троих мужчин и четырех женщин, медленно брела к обетованной гавани, маячившей впереди. Солнце опускалось к горизонту еще быстрее, чем они шли — уставшие, с побитыми ногами. Однако лес приближался. Верхушки деревьев уже заслонили от них горы, а предгорья исчезли за полотном темного леса.

И тут Редферн вдруг увидел, как правы были люди из Таттхорета и как ужасно ошиблись усталые путешественники, взирающие теперь на собственную погибель.

Глава 5

На свете есть два сорта людей: те, кто пьет джин и те, кто пьет виски.

Тех, кто вообще не пьет, или тех, кто пьет и то и другое, Скоби Редферн решил исключить из своего уравнения. Пьющие джин бывают, как правило, замкнутыми, несчастными и подавленными. К тому же они, как правило, порода довольно редкая. Пьющие виски, напротив, открыты, доброжелательны и счастливы, и они слишком уж многочисленны для этого полного опасностей мира.

Вот почему Скоби Редферн пожалел, что у него сейчас нет в руке доброй порции скотча.

Многогранные кристаллы ловили последние лучи гаснущего солнца и переливались в них алыми отблесками, напомнившими Редферну о крови. Они раскачивались среди деревьев, как рождественские фонарики, с которыми играет невидимый домовой. От них исходила совершенно недвусмысленная аура ненависти.

В этом не могло быть никакого сомнения. Галт остановился, упершись бородой в грудь. Вал прижала руку ко рту, побелев лицом и утратив дар речи. Тони застонал и пошевелился — слабое движение, которое ничего ровным счетом не означало, остальные просто смотрели, полные отвращения и ужаса.

Да, не было никаких сомнений: от этих ткущих свой странный танец кристаллов отчетливо веяло холодным дуновением злобы. Каждый кристалл был примерно двух футов шириной. Они выписывали в воздухе пируэты, качались, подпрыгивали и рассеивали вокруг себя осязаемую жестокость.

— Бежим! — крикнул Галт, наконец-то оживая.

Все знали, что бежать бесполезно.

Нили, хриплым голосом вымолвив что-то про жабы потроха, скинула с плеча винтовку и оттянула затвор. Она поднесла винтовку к плечу, но не успела нажать на спуск, как от ближайшего кристалла ударила зигзагообразная струя пламени и выбила винтовку из ее рук в дымной вспышке изумрудного огня, от которой глаза у всех заслезились.

Давление ненависти все нарастало. Будто невидимое болото, жадно засасывала она их мысли, покрывала ряской умы, гулким эхом прокатывалась по мозгу, оглушая внутренний слух. Мать Хаапан и Мина с криком упали на землю, отчаянно и безнадежно зажимая уши.

Нили в тошнотворном ужасе уставилась на винтовку и на свои руки, беспомощно

повисшие вдоль тела. Остатки зеленого излучения все еще липли к ним, словно саван прокаженного.

— Кто это? — дрожащим голосом прошептала Вал.

Язык Галта отказался ему служить. Предводитель группы простерся на земле, среди мелких цветов, худосочных трав да занесенных ветром из леса листьев. Он склонил голову.

— Если будет на то воля Арлана... — пробормотал он, но не смог продолжить.

— Арлан! — завизжал Тони, вырываясь из рук Редферна. — Арлан никогда не допустил бы такой ненависти! Примерно в этот момент сцена происходящего подернулась перед взглядом Редферна какой-то дымкой. Ум его отказывался воспринимать дьявольские образы и бомбардирующие мозг предположения. Он почувствовал, что отравлен и уничтожен. За мгновение до того, как потерять сознание, он увидел, что Вал гордо стоит, распрямив плечи, так что серая ткань туники на ее груди натянулась, и выкрикивает что-то непонятное, а огромные кристаллы, сияющие кровавым блеском, плывут между деревьями в их направлении.

Проснулся Редферн, чувствуя себя легко и удобно. Темный поток страстной ненависти больше не поглощал его. Мгновение он лежал вытянувшись, словно только что пробудился после целой ночи покойного сна, а впереди ждал приятный выходной и в этот миг можно было лишь предвкушать грядущие удовольствия.

Потом он открыл глаза. Он лежал на топчане под высокой крышей цвета слоновой кости. Две стены были прорезаны высокими окнами, выходившими на обширный лес под высоким и синим безоблачным небом. Противоположные стены были выкрашены в уютный зеленый цвет и увешаны изображениями сухопутных и морских пейзажей. В комнате стояло семь топчанов. На каждом лежало по одному из членов маленькой группы, так отважно направлявшейся тогда к лесу. Все были совершенно нагими. Теплый воздух поступал в комнату из отдушин, находившихся у самого потолка в том месте, где сходились две зеленых стены. Окна были закрыты. Тони сел, зевнул, потянулся, а потом удивленно воскликнул:

— Эй, моя рука! Она здорова!

Нили засмеялась над ним, спуская свои сильные ноги с края собственной койки. Может, лицо у нее и было одутловатым, зато сильным, хорошо сформированным телом она напоминала Юнону. Тони посмотрел на нее и издал звук, который Редферн счел монтрадским эквивалентом восхищенного присвистывания.

Нили толкнула Тони в грудь и, когда он упал на спину, прыгнула на него сверху. Редферн хихикнул: они возились, как щенята.

Галт обнял Мину и негромко заговорил с ней. Напряженные морщинки исчезли с лица этой увядшей женщины. Тело ее было худым и костлявым, однако когда-то Мина была очень красива. К Галту вернулся его энергичный, самоуверенный вид. Борода вновь гордо торчала вперед.

Мать Хаапан еще спала, хрупкая, как тростинка, кожа да кости. Тонкие волосы разметались вокруг ее головы седым одуванчиком.

Вал, гибко вскочив, направилась к Редферну. Глядя на нее, тот почувствовал, как кровь в нем закипела. В нем быстро просыпался интерес к девушке, бог весть откуда взявшееся внезапное желание прижать ее к себе. Ее круглое славное лицо смеялось над ним. В карих глазах, не омраченных больше никакой тенью, искрились озорные чертики.

— Эй, лежебока! Так ты никогда не попадешь в Монтрадо!

Редферн кивнул на Тони и Нили, которые катались по полу клубком, мельтеша голыми конечностями.

— Осторожней, девочка моя! А то сейчас будет твоя очередь!

Вал засмеялась. Собралась было ответить ему что-то дерзкое, и вдруг отвернулась, продолжая смеяться. У Редферна осталось впечатление, что она поняла, о чем он подумал.

Мина заметила ворчливо, хотя и без особого беспокойства:

— Надо нам достать какую-нибудь одежду.

— Зачем? — вскричала Вал. — Мне и так чудесно! Легко и свободно! Я могу танцевать...

— Воздух полон ощущением доброго и хорошего, — подтвердил Галт. — Я всегда очень заботился о приличиях. И однако, если Мина простит меня, мне доставляет очень большую радость видеть Мину, Вал и Нили такими, как они есть.

— Присоединяюсь! — завопил Тони, вскакивая, чтобы передохнуть. Мускулистая рука Нили протянулась вверх, обхватила его за шею и Тони с придушенным писком вновь повалился. Вал засмеялась. Галт нахмурился, но потом, заметно расслабившись, захихикал. Даже Мина отважилась улыбнуться и приобнять Галта рукой.

— И все-таки, — заметил Галт, глядя Мину по голове. — Это для нас неестественно. Мы испытали ненависть, исходившую от этих ужасных кристаллов, а теперь мы испытываем... — Он заколебался.

— Любовь? — предположила Вал.

Редферн сказал:

— Нами кто-то манипулирует. Но покуда эта промывка мозгов будет вот такой, а не чем-то похожим на тот ужасный телепатический страх, я протестовать не собираюсь. — Он заметил, что ему трудно отвести глаза от Вал.

— Мы вновь приобрели в какой-то степени детскую невинность, — заявила Вал.

Часть зеленой стены раздвинулась, словно диафрагма фотоаппарата, образовав дверь как раз такой ширины, чтобы пропустить внутрь женщину, толкающую тележку. Как и они, женщина была нагой: приятная, пышущая здоровьем дама средних лет с короткими темными волосами и красивой линией красных губ, на которых, стоило ей увидеть людей, находившихся в комнате, тут же заиграла улыбка. На тележке находилась пища незнакомых Редферну разновидностей, но, без сомнения, вкусная и качественная. Все с удовольствием ели брызжащие соком фрукты, плоские оладьи, таявшие во рту; пили из хрустальных бокалов разнообразное питье с притягательным вкусом и ароматом.

— Ешьте все, что хотите, — сказала женщина на идеальном английском. — Здесь довольно на всех, — она коснулась своих волос и Редферн заметил, как в них блеснул украшенный драгоценностями обруч. — Я говорю на языке, который вам всем знаком, с помощью переводчика, — она ласково улыбнулась слушателям. — Скоро вы достаточно оправитесь для визита. Прежде, чем они успели спросить у нее о смысле последнего загадочного замечания, женщина покинула комнату и диафрагма за ней закрылась.

— Почему мы не спросили у нее, где мы находимся, что здесь происходит? — ломал голову Редферн. — Все, что мы сделали — это просто принялись за еду!

Галт улыбнулся.

— Я уверен, что все мы во власти Арлана.

Редферн ощутил дуновение беспокойства, быстро растаявшее в блаженном удовлетворении по мере переваривания пищи. Он вновь с величайшим удовольствием посмотрел на Вал. Если ими манипулируют, ну, тогда... И эта мысль тоже угасла, не успел он додумать ее до конца. Ему здесь нравилось. Все, что Редферн знал об Арлане, это что тот был основоположником философской школы. Галт был адептом этой философии, профессором, обучающим студентов, среди которых учились в свое время Тони и Вал. Но они были родом из Монтрадо. А теперь они все находятся в ином измерении. Считают ли монтрадцы Арлана своего рода богом или же иной космической либо метафизической силой, Редферн не знал. Так как же может существовать среди измерений культ Арлана, в том случае, если Галт прав? Если только здешние хозяева, где бы они ни находились, сами не имеют доступа к Вратам. Из семи человек, находившихся в комнате, философии Арлана придерживались четверо. Нили, почти наверняка, имеет своих собственных богов и свою веру. Мать Хаапан, которая только что проснулась и потихоньку начала есть, без сомнения, имеет своих. Что же до самого Редферна, он никогда толком не был уверен, какой именно религии из множества существующих на Земле ему следует придерживаться: в каждой из

них своя толика истины.

Таким образом, кристаллы, или та женщина, что принесла им пищу, или те неведомые субъекты, которым им предстояло нанести визит, когда они достаточно оправятся, вполне могли заключить, что культ Арлана представляет точку зрения большинства. Гм... Редферн чувствовал, что здесь кроется какой-то намек на разгадку. А потом вдруг он испытал потрясение, осознав, что мысленно автоматически наделил кристаллы разумностью. Может быть — собственно говоря, даже наверняка, не так ли? — в этих огромных сверкающих драгоценностях находились люди.

Из двух равновероятных догадок — что эти люди имеют свои собственные Врата в иные измерения или что они используют то, во что верит большинство, Редферну хотелось бы остановиться на первой. Это бы все упрощало. Так что верным, почти наверняка, должно было оказаться второе предположение.

Редферн был вооружен «Спрингфилдом» совсем недолго, однако ему уже сильно не доставало вселяющего уверенность ощущения твердого приклада винтовки за спиной. В маленькой боковой комнатке, куда можно было пройти через дверь-диафрагму, имелись санитарно-гигиенические принадлежности. Тони и Нили удалились туда на довольно длительное время. Вернулись они смеющиеся, счастливые и раскрасневшиеся. Редферн одобрительно улыбнулся им. Однако сам специально не пошел в душ, пока там находилась Вал. «Еще не сейчас», — был он вынужден сказать самому себе, чтобы преодолеть психическое давление, побуждающее его, как он теперь сознавал, к вступлению в любовные связи. Вал замечательная девушка, но...

Редферн всегда сопротивлялся силовому давлению. Одним из последствий этого бунтарства и была частая смена работы. И уж конечно, он не мог позволить давить на себя в таком важном деле, как личные взаимоотношения. «Валяй, парень! — нашептывал, казалось, ему в мозг чей-то вкрадчивый голос. — Она такая теплая, трепещущая, желанная! Что тут такого особенного? Ей понравится. Давай, наслаждайся...»

Редферн очень долго стоял под душем, сам не зная — то ли хочет остыть, то ли надеется, что Вал вернется. Когда та же самая женщина вторично принесла им еду, он уже чувствовал непереносимое напряжение. Что бы собой ни представляло это давление, Галт и Мина уступили ему с легкостью, но для них это было всего лишь возрождение и обновление старого волшебства. Для Тони и Нили — напротив, все было удивительно и ново.

Потом Вал улыбнулась ему и коснулась его руки. Она приподняла бровь. Редферн смотрел на ее смуглое тело и смеющееся лицо, на блестящие каштановые волосы и удивительные глаза цвета лесного ореха. Долго ему не выстоять. К тому же он чувствовал себя глупцом, сражаясь против того, что выглядело таким естественным. Однако проклятое упрямство продолжало твердить, что это совсем не так уж естественно. По каким-то причинам ими манипулируют. Сначала ненависть, потом любовь. Что же дальше? Может быть, смерть? Ближе к вечеру Редферном овладело чувство, что он находится в заточении. Ему хотелось кричать. Весь день они провели взаперти в этой комнате. Отчаянное желание глотнуть свежего воздуха подступило к горлу.

В третий раз пищу им доставила уже не женщина. Почему-то (Редферн вначале не понял, почему) мать Хаапан встала, улыбнулась и подошла к мужчине крепкого сложения, который на этот раз прикатил тележку. Он оставил еду в центре комнаты и протянул руку навстречу хрупкой седой женщине. Редферн, впрочем, заметил, что теперь она выглядит менее хрупкой, словно каким-то невозможным образом за день ее худое тело нарастило новую плоть. Она как будто пополнила, груди ее чуть отвердели, округлились щеки, так что теперь она казалась уже женщиной среднего возраста. Мужчина взял ее за руку и, не говоря ни слова, вывел из комнаты.

— Славно! — экспансивно воскликнула Мина.

Редферн увидел, что она тоже помолодела и ее утраченная красота вновь расцветает. Изменения, которые он наблюдал в этой женщине, должны были потребовать не одного месяца гериатрического лечения, если вообще они были бы возможны. Однако здесь они

были достигнуты за день. Даже у Нили лицо стало не таким пухлым, а Вал сделалась еще очаровательней, чем обычно.

— Они хотят заставить нас любить! — хрипло проговорил Редферн. — И мы не должны подчиняться! Не знаю, откуда мне это известно... Просто известно и все!

— Верно! — согласился Галт. Он тоже помолодел, сделавшись не столь быкообразным. — Посмотрите на мою Мину! Она вновь превращается в ту несравненную красавицу, на которой я когда-то женился!

Тони захихикал и сграбастал Нили. Она не только похорошела, но и сделалась заметно игривее и артистичней. Редферн продолжал воздерживаться. Вал жадно смотрела на него, вздыхала и Скоби понял, что действующие на ее мозг неизвестные силы уже почти сломили ее.

Тележка с пищей стояла посреди комнаты. Дверь отворилась и вошедшая женщина сделала знак рукой Галту, Мине, Тони и Нили. Посмотрев на Редферна, она покачала головой, а потом подала знак Вал. Не говоря ни слова, как перед этим мать Хаапан, все они вышли.

Редферн и тележка с пищей остались в обществе друг друга.

Он сел и попытался решить, что ему делать, но все, что приходило в голову — это какой же он дурак. Редферн не слышал, как вошла девушка. Просто он поднял взгляд и вдруг увидел, что она стоит возле двери, которая как раз в этот миг закрывалась за ней. Скоби разинул рот. В ней соединялось все прекрасное, что только может быть в девушке. Любой юноша носит в душе идеальный девичий образ, никогда не встречавшийся ему в этом грешном мире, и тут Скоби Редферн столкнулся лицом к лицу со своим идеалом, извлеченным из его мыслей и стоящим теперь перед ним во плоти. Она стояла, слабо улыбаясь Редферну. Волосы осеняли ее голову, точно нимб, тело было высоким и стройным и круглилось изгибами такого изящества, что пульс начинал бить, как молот. Скоби узнал в ней воплощение своих невещественных снов. Он сделал полшажка вперед, очень остро чувствуя собственное тело, гул крови в жилах, шум в ушах, заглушивший все на свете. Все, находившееся за пределами непосредственного круга зрения, исчезло, так что он смотрел только на девушку, видел только ее лицо — невероятное, молящее, просящее, требующее. Ее отделял от всего сущего нимб из розовых облаков. Губы ее шевельнулись — улыбка стала чуть более явственной, чуть более зовущей.

Редферн положил руки на плечи девушки и ощущение ее шелковистой кожи под пальцами потрясло его. Всякие мысли о давлении, о принуждающих его силах вылетели из головы. В волосах у нее переливался драгоценностями блестящий обруч. Редферн притянул ее к себе. От ее тела струилось тепло.

Редферн склонился над ней, зная, что сейчас затеряется и утонет в ее взгляде.

Он заглянул ей в глаза.

Ее глаза...

Он смотрел в эти пустые линзы. Он видел их слепоту, их безразличную объективность, их неведение о собственном "я". Эти глаза не принадлежали человеческому существу. Перед их механической бесчеловечностью Редферн мог испытывать только ужас.

Пока Скоби глядел на эти глаза, они словно засасывали его. Он видел угрюмые ландшафты, сгоревшие соборы, мор, глад и потоп. Он видел отражение в микрокосме печально прославленного двадцатым веком Щита Ахилла.

Жаркое дыхание девушки щекотало лицо Редферна. Ладони ее касались его тела, шарили по нему. Редферн вдруг остро ощутил, как проступают ее ключицы, словно угловатые несущие элементы под мягкой плотью, которую он так отчаянно стискивал.

Он отшатнулся. Его тошнило.

— Убирайся! — крикнул он, задыхаясь в приступе кашля.

Девушка преследовала его, что-то мягко и успокаивающе мурлыча. Ее красный язычок раздвигал губы, губы складывались в улыбку, все ее тело было одним сладострастным и нечестивым зовом.

Редферн споткнулся о топчан и растянулся на полу. Он привстал на локте — по коже побежали мурашки, а волосы зашевелились, словно от электричества. Теперь он видел под каждым топчаном толстые черно-красные кабели, уходившие одним концом под изголовье, а другим пробегавшие по полу и исчезающие сквозь отверстие в стене.

Скоби успел посмотреть на них лишь мельком, прежде чем девушка, которая вовсе не была девушкой, прижалась к нему горячим нагим телом. Ее рот стремился пожрать его, словно пышущая жаром печь, ее страсть грозила поглотить его целиком.

Глава 6

Даже в этот пронзительный миг раздирающей душу страсти, когда теплое и мягкое нагое тело этой квази-девушки извивалось на нем в щедром самозабвении, Скоби Редферн сумел призвать на помощь память о том, что увидел в ее глазах. Эти черно-красные кабели отлично укладывались в общую картину. Он вспомнил, что говорили коренастые люди из Тоттхорета. Здесь творятся манипуляции с сознанием, похищение душ, едино-направленная решимость согнуть человеческую волю. Редферн мог поверить почти во что угодно теперь, после того, как прошел сквозь Врата в иное измерение и всего, что он повидал.

Он уперся левой рукой в горло девушки и отжал ее голову назад. Из ее рта вылетали брызги слюны. Язык бешено метался внутрь и наружу. Зубы блестели преувеличенной белизной, словно на грубой телевизионной рекламе. Мягкое тело вновь прижалось к Редферну, подавшемуся назад под ее напором. Он все-таки сумел вывернуться из-под нее и привстать. Девушка преследовала его, судорожно хватая руками.

Ее волосы волнами падали ему на лицо. Отдельные пряди, попадая в рот, хрустели на зубах, словно силиконовые волокна. Редферн выпростал правую руку и, вновь заваливаясь назад, изо всех сил потянул ее за волосы. Девушка, однако, не закричала. Только глубокое хриплое дыхание, преисполненное страстной решимости, хоть как-то указывало, что усилия его небезрезультатны. Редферн вновь с силой дернул ее за волосы, отчаянно пытаясь вырваться. Волосы оторвались. В руке у него остался пышный парик, под которым обнаружилась блестящая выпуклая пластина, лишенная хотя бы единого волоска. Девушка снова нависла над Редферном, давя на его руку твердым и ребристым горлом. Драгоценный обруч выпал из ее сорванных волос прямо на потную грудь Редферна.

Последним конвульсивным усилием Скоби оттолкнул девушку от себя.

Когда Редферн начал вставать, она схватила его за ноги и ему пришлось наклониться, чтобы расцепить ее стиснутые пальцы. Обруч скользнул вниз и Редферн схватил его, сжав в руке, как кастет и ударив ее в челюсть. Удар не оказал никакого действия.

Девушка поднялась вместе с ним, тяжело дыша, грудь ее ходила ходуном. Редферн, шатаясь, отступил, затем ринулся вперед и ударил снова, увидев, что из раскроенной губы сбегают струйка крови. Тело противницы продолжало надвигаться на него, сверкая металлической плешью — ужасное зрелище. Редферн повернулся и побежал.

Теперь-то он знал наверняка, что это не простая смертная девушка. Это вовсе не человек. То, что он видел в ее глазах, было из области кошмаров: чужие ландшафты и шизофренические ужасы, не принадлежавшие ни этому миру, ни какому-либо вообще.

Редферн не знал, что он обнаружит, содрав с нее эту теплую, притягательную плоть: угловатые металлические конечности, транзисторы и электронные цепи, энергоузлы? — знал лишь, что никогда не найдет там живого человеческого сердца. Единственная открытая дверь вела в душевую. Редферн вбежал туда, стискивая в руке обруч с драгоценностями. Голая, пышущая здоровьем женщина, приносящая пищу, назвала такую ленту переводчиком. Она может пригодиться. Редферн проехался по кафельному полу и услышал позади себя приближающееся шлепанье босых ног.

Редферн прижался к стене возле двери. Девушка — вернее, изображавшая ее вещь — пробежала мимо. Редферн тотчас метнулся обратно в комнату и нажал рычажок, закрывавший дверную диафрагму. Потом бросился, как безумный, к дальней двери. К тому

времени, как он преодолел половину расстояния, диафрагма дальней двери раскрылась. Редферн догадался, что это тоже часть общего замысла. Он упрямо, по-идиотски, словом — чисто по-человечески отказывался делать то, к чему его принуждали и в отличие от остальных не совершил любовного акта на топчане, поэтому теперь его ожидает третий вариант. Диафрагма двери сомкнулась за ним.

Стало быть, девушка — или нечто — осознало, что потерпело неудачу. Да будет так. Теперь Редферн более ясно представлял, что от него требуется.

Переводчик он надел на голову. Ему потребуются две свободные руки.

И сразу же он услышал голос, кричащий на превосходном английском:

— Ну, как хочешь! Никто не получит ничего без оплаты! Так что ты заплатишь по-другому — ТЫ ЗАПЛАТИШЬ! Перед Редферном тянулось продолжение их комнаты — такой же высоты, такой же ширины, с такими же высокими окнами по одну сторону, выходившими на небо и лес, сходящиеся в дальней перспективе. Комната была огромная. Сквозь окна лились лучи послеполуденного солнца и длинные полосы света играли теневыми узорами на полу, создавая узор, напоминающий камни под водой мелкой речушки. В дальнем конце Редферн заметил ярко окрашенное пятно и, посмотрев внимательней на бегу, различил группу мужчин и женщин в алых мантиях. Один из них выступил перед остальными и поднял руку. Редферн принялся озираться в поисках другого выхода.

— Ты пойдешь в лес. Ты, тот, кого называют Скоби Редферн. Кристаллы не причинят тебе вреда — до тех пор, пока ты не заплатишь!

Он увидел дверь — большую дверь-диафрагму, раскрывшуюся между двух окон. За дверью находилась большая фойе со стеклянными стенами. Он увидел лица, прижавшиеся к стеклу — Галт, Мина, Тони, Вал. Они сперва радостно замахали руками от радости при виде него, а потом испугались и пришли в ужас.

Скоби бежал прямо к ним.

Не понимая, в чем причина их ужаса, он поначалу не расслышал приближавшегося сбоку топота. Это не была голая псевдо-девушка, ибо она (оно?) было все еще надежно заперто за дверью-диафрагмой.

Затем он увидел ходячие больничные носилки, белые и антисептические, на которых сверху были разложены блестящие хромированные инструменты. Носилки шагали к нему на восьми суставчатых ногах неуклюжей дергающейся походкой. Они непрерывно издавали высокое жужжание.

Редферн попытался увернуться, не прекращая бега, но носилки вытянули длинную телескопическую руку с мягким обручем на конце и захватили его этим обручем. Редферн силился вырваться из хватки дьявольской штуковины, но его стиснутые руки не могли разорвать мягкого кольца. На другой механической лапе протянулся серебристый колпак и накрыл его голову с глазами, носом и ртом, так что дыхание отдавалось в замкнутом пространстве, будто безумные вздохи похороненного заживо.

Редферн потерял сознание.

Деловитость произведенной над ним операции раздражала и одновременно словно бы очищала его после излишней страстности предыдущих событий.

Когда Редферн очнулся, с его запястий и лодыжек сползли металлические захваты, а мягкие тиски отпустили голову. Тотчас же он почувствовал боль прямо над ушами и чуть позади. Редферн поднял было руку, чтобы потереть болевшее место, но чужая рука перехватила ее и не дала этого сделать.

— Пока нельзя. Сначала приди в себя.

Редферн, сощурившись, поглядел вверх. На него бесстрастно взидала женщина с серьезным лицом, одетая в алую мантию. Густой слой косметики не позволял ничего прочитать по ее лицу. Скоби Редферн очень хорошо понимал, что для него это вопрос жизни и смерти и что его жизнь очень мало значит в общей большой схеме. Он должен как следует сосредоточиться и самым серьезным образом отнестись к проблеме, если не хочет разрешить оную раз и навсегда, попросту умерев.

— Теперь, — произнесла женщина своим холодным и монотонным голосом, — можешь потрогать.

Редферн осторожно обследовал собственный череп. К его голове как раз за ушами были прикреплены объемистые холодные предметы, от которых вели провода к макушке, из которой вырастал стержень, несущий маленькие антенны. Сердце Редферна сжалось. Он вновь испытал то же обессиливающее сознание, что его используют. На мгновение он закрыл глаза, чтобы овладеть собой.

— Что вы со мной сделали?

Женщина отошла в сторону, шурша одеждой.

— Каждый должен платить за то, что получает. Это изначальный закон. Ты отказался платить самым простым и приятным способом, теперь тебе придется заплатить способом не столь простым и не столь приятным.

Редферн устало покачал головой. Антенны и придатки почти не повлияли на это движение. Если не прикасаться к ним, он и не знал бы, что там что-то есть.

— Заплатить? — переспросил он. — Чем заплатить? Деньгами? Кровью?

Женщина позволила своему застывшему лицу сложиться в брезгливую гримасу.

— Ничего столь примитивного. У тебя на голове обруч-переводчик. Тебя накормили, предоставили тебе кров и защиту. Ты, разумеется, хотел бы жить с нами. Поэтому ты должен платить. Заплати за то, что получил, и авансом за то, что еще получишь. Мы совершенно честны. Мы берем лишь то, за что, в свою очередь, платим. Понял?

— Нет.

Редферн вновь потянулся к голове и ухватился за стержень с антеннами, готовясь выдернуть его прочь. Женщина поспешно покачала головой.

— Не делай этого. Если ты попытаешься его извлечь, тебе покажется, что ты оторвал себе полчерепа. Точно так же обстоит дело с любой другой деталью, которую мы прикрепили. Они поставлены, само собой, лишь на время, но ты не сможешь удалить их, не повредив себе.

— Для чего они? — сердито и испуганно вскричал Редферн.

— Чтобы ты заплатил, — женщина подала знак и молодой человек в синем халате стал помогать Редферну выбраться из объятий носилок. Редферн проявил мелочность, оттолкнув руку помощи, но сразу же после этого чуть не упал, так как его колени превратились в желе, и уже с радостью ухватился за сильную, поддерживавшую его руку. Он смотрел на женщину во все глаза.

— Значит, теперь я ваш раб?

На него посмотрели так, словно он упомянул в гостиную о содержимом канализационных труб.

— Мы не таковы, как иные из путешествующих по Измерениям, — кисло сказала женщина.

— О! Так вы знаете о Вратах и...

— Знаем, но стараемся иметь с ними как можно меньше общего. Мы в Сенчурии держимся сами по себе. Редферн, пошатываясь, поднялся с колен. Он чувствовал себя несколько лучше. Солнце уже почти село и на окна опустили длинные шторы. На потолочных панелях зажглось множество огней. В пристройке со стеклянными стенами остались сейчас только брошенные стол и стулья, да женщина в черном платье, прибиравшаяся с помощью пылесоса, на вид неотличимого от обыкновенного американского.

— Ночь спокойного сна приведет тебя в порядок, Редферн, — сказала эта женщина уверенным, покровительственным тоном.

— Ступай в свое помещение.

— Э... — Редферн сглотнул. — Вы хоть избавились от этой... штуки?

— Суккуб возвращен в хранилище.

— Ага.

Возвратившись обратно в комнату, из которой выбежал в таком страхе, Редферн обнаружил там только Вал, крепко спавшую на койке. Остальные... Да, где же они? Редферн не знал, но чувствовал себя таким усталым и сонным, что сразу растянулся на своем топчане. Он вспомнил черно-красные кабели, которые заметил внизу, но решил разобраться с ними утром. Редферн свернулся поудобнее и почти сразу заснул.

Будучи еще молодым человеком, он всегда просыпался рано, бодрым, свежим и готовым хватать покрепче все, что может принести день. Эта привычка сохранилась у него на всем протяжении учебы в колледже и лишь недавно ее стало вытеснять обыкновение понежиться чуть-чуть дольше на подушке, прежде чем встать. Тем утром он сразу вспомнил все — словно таз кипятка вылили на голову. Редферн пощупал антенну и коробочки за ушами. Да, он все помнил верно.

Он заглянул под койку. Кабели, само собой, были на месте, подключенные к разъему под изголовьем топчана и уходившие от него в стену. Что же это может быть? Все приходившие в голову мысли были туманными и ненаучными. Наибольший интерес Редферна был в этот момент сосредоточен на аппарате, пристроившемся на его голове.

Потом Вал что-то сказала испуганным голосом и обернувшись к ней, он сразу увидел, что у нее тоже на голове коробочки и антенна.

— Они хотят загипнотизировать нас, чтобы сделать что-то... ужасное?

Редферн попытался ободряюще улыбнуться. Он не мог выложить ей того, что думал, а именно, что эти странные люди из Сенчурии, возможно, надели на головы ему и Вал эти странные приспособления для того, чтобы вынудить их подчиняться своей воле. Силы, пробудившие их вчера полными любви и омоложившие всех за один день — даже сам Редферн чувствовал себя намного моложе и преисполнился физической энергии — сегодня пребывали в покое, ибо он не чувствовал столь необыкновенно мощного интереса к Вал. Она тоже посматривала на него дружелюбно, с улыбкой в карих глазах, но так уж не набрасывалась. Раскрылась дверь и вошла прежняя цветущая женщина, толкая тележку с пищей. На сей раз она была одета — в приличное темно-коричневое платье — и не носила обруч переводчика. Редферн, проверив свой переводчик, обнаружил, что тот по-прежнему при нем.

Когда они поели, женщина вернулась за тележкой и ушла. Дверь закрылась за нею и, против обыкновения, приостановилась, прежде чем полностью затянуть центральное отверстие. Редферн тотчас подбежал к двери, наклонился и вставил в отверстие столовый нож, который стащил с подноса.

— Сможешь открыть? — выдохнула Вал, заглядывая ему через плечо. Ее волосы щекотали спину Редферна. Он закричал от усилий.

— Тяжело...

Затем диафрагма со щелчком раскрылась, а нож вылетел из его руки и со звоном упал на пол. Редферн тотчас подхватил его, а затем выглянул в длинную комнату. Она была пуста. Яркий свет утреннего солнца лился из высоких окон, искрился в стеклах пристройки.

— Идем! — бросил Скоби девушке и полез в диафрагму.

Их друзей в пристройке не оказалось. Секундное разочарование Скоби убил в зародыше — черт возьми, он ведь чудес и не ожидал, не так ли? Лишь бы им только выбраться из этого сумасшедшего дома.

Сквозь стеклянную стену пристройки он разглядел между двух высоких окон большую дверь, открывающуюся все так же подобно диафрагме.

— Вот наш выход, — объявил он, побуждая Вал бежать побыстрее. Но та вдруг остановилась, указывая на что-то пальцем.

— Смотри! Там, в пристройке — мать Хаапан!

Редферн поначалу не поверил. Он сбавил шаг и направился к пристройке. Сквозь стеклянные стены он видел девушку, расчесывающую длинные черные волосы. Он ворвался внутрь пристройки и замер, глядя во все глаза.

— Ты права, Вал. — И все-таки он не мог поверить. — Это мать Хаапан, но!..

Девушка обернулась. Редферн едва мог опознать черты прежней старухи в этом свежем юном лице. Вместо прежнего одуванчика седин — эти роскошные волосы цвета воронова крыла, блестящие под утренним солнцем.

— Поскорее, Вал, — сказала мать Хаапан. — У вас не так много времени, прежде чем закроют двери. Редферном овладело сильнейшее замешательство.

— Лучше бы вам пойти с нами.

Мать Хаапан звонко рассмеялась.

— Что?! Взгляните только, что они со мной сделали! Я моложе и красивей, чем была когда-либо. И у меня есть возлюбленный! Он удивительный человек — нет, спасибо, у меня нет ни малейшего желания покидать это место.

— Она уже изменялась, когда я ее видела в последний раз, после того, как тебя забрали, Скоби, — прошептала Вал.

— Но это невероятно!

— Я понимаю, отчего человек может пожелать здесь остаться, — Скоби вспотел, не в силах на что-либо решиться. Он чувствовал себя, как человек, пробирающийся над бездной и знающий, что какую бы ногу ни опустил он первой, все равно окажется не та.

— Ты хочешь здесь остаться, Вал?

Та коснулась прибора на своей голове.

— Нет! Это здесь прицепили не для забавы.

— Это для того, чтобы заставить меня — нас заставить! — платить. Идем, Вал...

Редферн замолчал, стоило ему перешагнуть порог пристройки. На полу были небрежно свалены их рюкзаки, старая одежда и обувь — и винтовки!

Хватая «Спрингфилд», Редферн чувствовал, что готов всхлипывать от благодарности. Он поспешно нарядился в серые штаны и рубашу и натянул на ноги хорошие американские ботинки с крепкими подметками. Вал колебалась. Потом решительно оттолкнула ногой серую тунику рабыни.

— Я больше не надену рабской одежды!

Мать Хаапан хихикнула. Она была одета в рубашку из какого-то белого, шелковисто блестящего материала наподобие нейлона. Подол рубашки доходил ей до середины бедер.

— Не глупи, Вал, — бросил Редферн. — Время уходит. Снаружи тебе понадобится одежда!

Вал упрямо покачала головой. Глядя на нее, Редферн начинал понимать, какое же причудливое она создание. Не овеществленный осколок мира сновидений, но живая плоть и кровь со вздернутым носом, округлым свежим лицом и длинными, блестящими каштановыми волосами, женщина, которая рядом. Мать Хаапан сдернула с себя рубашку и протянула ее Вал.

— Я схожу на рынок и возьму там другую, — сказала она с улыбкой. Редферну пришлось сделать усилие, чтобы отвести от нее глаза, пришлось силком вызвать в памяти седовласый и хрупкий образ, в котором она вместе с ними одолевала снега и пустыню.

— Хватай винтовку, — приказал он Вал.

Редферн нагрузил на себя патроны, убедился, что штык по-прежнему в ножнах, а ножны на поясе, проверил снаряжение Вал.

Вместе они покинули стеклянную пристройку и направились к большой открытой двери между окнами. За дверью лежал сплошной лес, приветливо машущий им неисчислимыми зелеными, коричневыми и серебристыми руками. Редферн сглотнул. Может быть, он все-таки свалил колоссального дурака?

Глава 7

Лес, сквозь который они бежали, не был джунглями. Не был это, как заключил Скоби Редферн с неожиданным для себя сожалением, и лес Мирциния, где можно было бы ожидать встречи с Моке, скачущим по воздушным террасам древесных веток, скаля зубы в

дьявольской ухмылке и потряхивая парой костей, как всегда, готовых к нечестной игре. Вокруг них раскинулся самый обыкновенный лес умеренных широт со знакомыми деревьями: дубами, буками, кленами — словом, лиственными деревьями, стоявшими сейчас в полной красе своего зеленого убранства. Скоби и Вал бежали, лавируя между стволами, перепрыгивая узловатые корни, огибая заросли, где колючие кусты и папоротники густо сплелись над гниющими останками поваленного лесного гиганта. И снова... И снова... Скоби Редферн чувствовал себя в лесу беспокойно. Нехорошее ожидание скребло по коже, давило на веки. Они бежали быстрее в промежутках между чащобами, где вниз просачивался между ветками неяркий зеленый свет. Стало быть, Вал (он даже еще не знал, есть ли у нее какое-нибудь другое имя) виделась с остальными после того, как он, Редферн, был изловлен самоходными носилками. Редферн с пугающей ясностью сознавал, что должен как следует продумать проблему; все ответы уже имелись у него в голове, штука была в том, чтобы выудить их оттуда.

— Что случилось с Тони, Галтом и остальными?

Вал бросила на него загадочный взгляд, перепрыгивая через поваленное дерево. По ложине, в которой они сейчас находились, вдруг разлился запах фиалок.

— Они предпочли остаться. Их омолодили, они были влюблены, каждый имел партнера. Отчего бы им захотеть уйти? Им показали город...

— Город?

— Да. Он находится за большой комнатой, в которой мы побывали. Город тянется линией между равниной и лесом. Это удивительное место.

— Тогда мы дадим большой круг, а потом...

— Что?

Редферн объяснил. Вал засмеялась.

— Твоя Земля, должно быть, очень забавное место, Скоби.

— Когда-нибудь ты ее увидишь, Вал, — неведомо откуда взявшиеся уверенность и сила наполняли его. — А я увижу Монтрадо. Жизнь наладится, Вал, когда мы уберемся отсюда и подыщем Врата, чтобы ты...

— Нет! — резко перебила Вал.

— Почему?

— Я не могу оставить Тони, Галта и Мину! Они тоже должны вернуться в Монтрадо!

— Ну конечно! — сердито воскликнул Редферн.

— Ты хочешь сказать... Ты за ними вернешься?

— Я вернусь, но только своим путем. Мы должны сначала убрать с голов эти мерзкие штуки, не так ли? Воскликание Вал, угодившей ногой между двумя бревнами, вынудило Редферна остановиться и вернуться назад, чтобы помочь ей выбраться. Он поставил Вал на ноги и на мгновение она прижалась к нему со вздымающейся грудью. На мгновение Редферн ощутил щекой тепло и податливость ее груди. Он вынудил себя сохранить внешнее безразличие и оглянулся назад, в том направлении, с которого они прибежали. Действуя таким образом и держа свои мысли при себе, он добился кое-какого успеха. Ему удалось заметить что-то, движущееся украдкой как раз в том месте, где стволы деревьев сливались в сплошную, как бы монолитную стену леса. Редферн тотчас отреагировал:

— Тихо, Вал! Вот сюда...

Вал отреагировала сходным образом, тотчас взяв себя в руки.

Чего именно ожидал Редферн, он не мог бы точно сказать. Ему пришлось уже столкнуться со столькими неожиданностями, что новые он рассматривал исключительно в рассуждении вреда или пользы, ими приносимых. Зайдя так далеко, как его вынудили зайти, он теперь с равной готовностью поцеловал бы или убил.

«Спрингфилд» удобной и успокаивающей тяжестью лег в его ладонь.

Редферн осторожно выглянул из-за завесы веток и поваленной лесины, всматриваясь назад. Он не ожидал погони настолько уж быстро. Быстрое движение вновь повторилось невысоко над землей. Хищное движение, осторожное. Редферн вспотел. Сколько раз снился

ему тот старый сон, в котором за тобой кто-то гонится — неважно кто, лев, гризли, маньяк-убийца — и ты с величайшим старанием нацеливаешь ружье? И сколько раз он оказывался не в силах оттянуть затвор? Сколько раз он давил на курок, тяжелый, как целый мир? И сколько раз он спускал крючок — а винтовка все-таки не стреляла? Сколько раз? Вероятно, не меньше, чем кто угодно... Сейчас он поднес к плечу устаревшую винтовку и нисколько не удивился, заметив, что лес перед ним дрожит в крошечном кружке прицела.

Вновь что-то пошевелилось в низком густом подлеске, которым заросла одна из более тесных групп деревьев. Редферн мельком заметил участок меха, покрытого черно-желтыми полосами — а может, не меха, а кожи или материи, он не мог точно сказать. Скоби быстро повел стволом винтовки. Движение прервалось и то, что двигалось, исчезло — он снова смотрел на пустой лес.

Вал заерзала, лежа на грубой почве.

— Мне страшно! — сказала она.

Стоило ей это сказать, как антенны, прикрепленные к стержню у нее на макушке начали вдруг светиться. Антенны окутались ореолом синего огня, так что стало казаться, будто на голове у Вал синий наклонный нимб. Ее смуглое округлое лицо выглядело замороженным и несчастным. А синее сияние так и сыпало искрами у нее на антеннах. Паника и напряжение этого момента немилосердно терзали Редферна и на одно безумное мгновение он позволил вскипеть внутри себя страху. Он почувствовал, как сжимается на нем хватка всепоглощающего ужаса.

Вал завизжала.

Она откинулась назад, показывая на голову Редферна. Он понял, что она показывает уже на его антенны, по всей вероятности, тоже исторгшие синее сияние. Страх поднимался в его душе, темный и страшный, как прилив ночи.

— Успокойся, Вал! — Редферн сделал попытку пробиться сквозь душные миазмы паники. — Я, по-моему, понимаю. Я не совсем уверен...

Где-то в лесу хрустнула ветка. Редферн сглотнул и постарался подтвердить сжатие винтовку.

— Жители Сенчурии одолели нас с помощью излучения беспримесной ненависти от этих кристаллов. Потом они вынудили нас любить друг друга. А теперь, Вал, мы с тобой напуганы.

— Да... — Вал потянулась к нему, чтобы дотронуться до его руки.

— Так что я думаю, что они работают с эмоциями! Они манипулируют людьми и их чувствами. Эти кабели под койками, эти антенны у нас на голове — они служат одной и той же цели: обитатели Сенчурии выкачивают эмоции у других людей! Может быть, они умеют хранить их, не знаю, но я совершенно убежден, что они допустили наш побег и организовали эту полузакрывающуюся дверь, подсунули нам одежду, винтовки...

— Они СПЕЦИАЛЬНО позволили нам бежать? Но, Скоби, ведь это значит!..

Редферн свирепо кивнул. Он по-прежнему чувствовал страх, но гнев уже породил в нем крошечный зародыш возвращавшейся храбрости.

— Они сказали, что мы должны заплатить, а мы не пожелаем платить любовью, в смысле — эмоцией любви, так что они решили взять взамен страх. Они дали нам бежать, а теперь охотятся за нами. Нас преследуют, чтобы заставить нас бояться, и чем сильнее мы испугаемся, тем лучше для них. Чем больше страха мы чувствуем, тем больше они его наберут в своих проклятых аккумуляторах эмоций! Вал привстала, тоже начиная сердиться.

— Должно быть, ты прав, Скоби. Это не имеет ничего общего с Арланом! Галт ошибся! Эти люди вовсе не добры — они настоящие злодеи!

Редферн понял, о чем она говорит, хотя употребляемые ею эпитеты и были старомодны. На них обязательно должны охотиться — не ради забавы, но для того, чтобы обеспечить нужный запас эмоции страха!

— Мне хочется расколотить эту антенну! — сердито сказал Редферн. Вал быстро покачала головой.

— Нет, Скоби! Они мне сказали, что это может убить!

— Ну ладно. Значит, нам придется смириться с этим. Не стоит пока пытаться от них избавиться. Но то, что они выпустили нам вслед, приближается, чем бы оно ни было. Хорошо ли ты стреляешь из винтовки, Вал?

— Я умею целиться и нажимать на спуск. Но я не особенно много тренировалась. В Монтрадо пользуются самострелами.

— Ну, сейчас нет времени давать тебе уроки. Просто целься в... ну, в то, что там... и нажимай поплавей на спуск. По крайней мере, заставишь их пригнуть головы.

— А как насчет той вспышки изумрудного огня, выбившей винтовку из рук Нили?

— Ею стреляют кристаллы. Если они так поступят с нами, то, надо полагать, охота закончится. Так что сейчас нас не кристаллы преследуют.

Тот, кто запасал эмоцию страха, поступавшую от Скоби Редферна, наверняка работал сейчас в поте лица. Надо полагать, он получил полную меру. Редферну пришлось совершить над собой усилие, чтобы выровнять ствол винтовки и начать высматривать неведомых черно-желтых чудовищ, крадущихся им вслед. В дебрях леса что-то перемещалось. Редферн заметил, как еще раз мелькнула в зарослях черно-желтая шерсть и блеснул оскаленный клык, после чего неизвестное существо опять исчезло за деревом. Редферн замер. Он рассудил, что если его безумные на первый взгляд предположения соответствуют истине, а он твердо верил, что они соответствуют, то народ Сенчурии не станет охотиться обычным путем. Им будет, в общем, все равно, увидят ли их охотников, и они не станут пытаться убить свою жертву — они будут лишь пугать ее, окружать, тревожить, словом, делать все, чтобы провести ее сквозь целую гамму страхов. А потом, если он прав, этот страх, еще сырой и дымящийся, будет переправлен в накопители и там сохранен. Страшное нечто выпрыгнуло на открытое пространство ярдах в двадцати от них, щелкнуло челюстями и вновь нырнуло в подлесок. Редферн ощутил, как его прошил тошнотворный спазм. Вал издала придушенный вопль.

— Что это такое?

— Что-то опасное.

Более всего эта тварь напоминала таракана — только таракана, покрытого черно-желтым полосатым мехом и полных шести футов в длину от кончика вытянутых челюстей до кончика шипастого хвоста. Его огромные челюсти и очевидная мощь зазубренных жвал наполнили Редферна отвращением и вместе с тем сознанием собственной ничтожности. Поистине, волшебники из Сенчурии получают от него самый полный запас страха! Шорох в кустах между деревьями становился громче и приближался. Вал резко обернулась.

— Скоби, они повсюду!

— Если то, что я думаю, верно, то они не хотят нас убить. Они хотят лишь нас запугать! Отлично! Мы их проведем, превратим их слабость в нашу силу, — Редферн вскочил, в душе его кипел гнев, горечь, ненависть, страх. — Идем!левой рукой он схватил Вал за руку и поднял ее на ноги. Редферн направился мимо древесного ствола в глубину ложбины. Таракан помчался к нему. Вместо того, чтобы убежать, Редферн сам бросился на эту тварь, размахивая зажатой в правой руке винтовкой. Он изо всех ударил прикладом пониже рыла и таракан перевернулся на спину. Его короткие ноги дергались в воздухе, словно коленчатые шатуны. Редферна окатило волной облегчения. Он побежал дальше.

— Если они хотят нас напугать, им придется придумать что-нибудь получше! — воскликнул он.

Другой таракан ринулся на него. На этот раз тварь была в черно-белую полоску — явно того же вида, но с иным рисунком спины и с еще более могучими и огромными челюстями, придававшими ее голове сходство с ковшом экскаватора. Редферн выпустил Вал и сжал винтовку обеими сразу же вспотевшими руками. Взмахнул ею в приступе гнева и ужаса. Тварь отскочила, челюсти ее лязгнули. Редферн снова ударил винтовкой, как булавой, услышав при ударе громкий треск и увидев, что приклад погружается в белый мех. Тварь

завизжала. Она промчалась мимо них и неуклюже заползла в заросли. Вал смотрела ей вслед, в глазах девушки плескался тошнотный ужас.

Впереди появлялись новые тараканы, лязгая челюстями.

Семенящие лапы неуклонно несли их все ближе к людям. Ужас, возбуждение и паника, хаотично смешиваясь в душе Редферна, разрядились вдруг вспышкой неистового бешенства. Он поднял винтовку и бросился вперед.

— Скоби! — закричала позади Вал.

Он размахивал винтовкой, нанося страшные удары, обрушивая приклад налево и направо, слыша треск и глухое чавканье, видя, как из разломов и трещин струится темно-пурпурная жижа. Черно-белый и черно-желтый мех покрывался пятнами нечеловеческой крови.

Редферн прорвал кольцо.

— Сюда! — проревел он.

Вал, следуя за ним, перепрыгнула перевернутое барахтающееся тело упавшего таракана. Глядя на нее, Редферн обратил внимание на антенны, прикрепленные к торчащему из ее макушки стержню. Испускаемое ими сияние превратилось из синего в янтарное, пронизанное огненно-красными искрами.

— Мои антенны, Вал — эта штука на моей голове — какого они цвета? Вал задыхнулась от удивления.

— Они сплошь красные, Скоби! Красные, как кровь!

— Ха! — Скоби почувствовал в себе силу. — Теперь они выкачивают из нас не страх! Это гнев! А гнев вытесняет гордость и бунт! Мы обратим их страх против них самих. Я до сих пор боюсь, но я к тому же сердит и намерен продолжать в том же духе!

Они снова бежали по лесу.

— Но откуда ты знаешь, Скоби? Как можешь ты быть уверен?

— Не знаю, откуда я знаю. Но я уверен!

Вокруг них раскинулся зеленый лиственный лес, обычный лес, дружелюбный и вселяющий уверенность. Редферн листьями очистил винтовку от пурпурной слизи. Сила все еще в нем кипела.

— Могу себе представить, как волшебники Сенчурии сейчас злятся, что не получают от нас нужной реакции. Мы с самого начала отказались идти у них на поводу. Когда ты хотела, чтобы я занялся с тобой любовью, а я отказался, я подозревал, что валяю огромного дурака. Мне и самому этого хотелось, но... не таким холодным, запрограммированным образом. Теперь я знаю, что был прав.

— Но ведь я люблю тебя, Скоби!

Это вынудило Редферна на какое-то время смолкнуть. Он посмотрел на Вал — ее белая рубашка была так же изодрана и покрыта пятнами слизи, как и его собственные штаны и рубаха. Она была очень красива.

— Вопрос в том, Вал, подлинная ли это эмоция, или же специально внедренная в тебя ради чужого удовольствия?

— Ох, Скоби!

Ему хотелось смеяться, реветь от смеха над чудовищной иронией ситуации.

— В подходящее время, в уединенном месте... Тогда в моем мире это считают нормальным. Но прямо сейчас мы должны оставаться непредсказуемыми. Если мы позволим этой дистанционной власти помыкать собой, тогда мы пропали. Когда в моем мире людям не нравится, что вокруг происходит, Вал, у них есть бунты и демонстрации. Улицы становятся местами общественного протеста. Мы с тобой протестуем против волшебников Сенчурии!

В голове у него брезжили первые проблески плана, безумной, немыслимой схемы. Однако он видел, что в этой схеме состоит для них единственный шанс сохранить верность самим себе. И сколь бы ни было старомодным это понятие, Скоби Редферн ценил его превыше рубинов. Он желал оставаться верным самому себе. И до сих пор это всегда ему удавалось. Это причиняло ему неприятности и нередко лишало работы, но он не желал

изменять своим принципам.

Они бежали между деревьями. Солнце, золотое и дружелюбное солнце взблескивало и струило яркие лучи в разрывы листвы, окружая каждый листок ореолом света и заливая лес теплым подводным сиянием.

Краски постепенно изменялись.

Листья светлели, проходя вверх по оттенкам спектра. Зеленый уступал место желтому. Появлялись оранжевый и красный. Деревья светились оранжевыми стволами и золотыми листьями. С них капал огонь. Ослепительно сверкали блестящие фиолетовые и лиловые тона. Ярчайший свет резал глаза. Перед глазами плавали темные пятна, пульсирующие участки сияния упирали в беглецов твердые лучистые пальцы.

— Что это? — завизжала Вал.

Редферн увидел, что дымчато-оранжевое свечение на ее антеннах мерцает, зеленеет, синее по мере того, как гордость Вал вновь уступала место страху. Он грубо встряхнул ее.

— Они пробуют новый трюк! Поляризованный свет, излучение на разных длинах волны — не верь тому, что видишь, Вал! Все это мошенничество! Мы должны прорваться в город! Идем! Он потащил ее за собой. Белая шелковая рубашка превратилась в рваную тряпку, ноги Вал дрожали, ее лицо превратилось в потную маску страха. Шатаясь, она брела вслед за Редферном.

— Не сдавайся, Вал! Борись! Мы можем победить! Вспомни только: они пытались запугать нас, будто мы глупые дети. Мы не дети! Мы взрослые — перестань бояться этой дистанционной власти, положишься на собственные глаза и рассудок! — Ощущение теплой, мягкой и в то же время твердой руки Вал под пальцами придавало Редферну уверенности. — И... Вал, бежим! Сквозь безумный водоворот «неправильных» красок сразу ставшего чужим леса просочилось впереди новое сияние, бледно-желтый свет янтарного оттенка, как бы льющийся сквозь туман. Лес вокруг них переливался невозможными цветами, а теперь в нем появился как бы еще и звук. Стоны, вскрики, вздохи, старавшиеся затянуть их назад, в смертоносные объятия деревьев.

В ушах Редферна звенело от этого странного звука. Кровь бурлила и кипела в жилах и он чувствовал, как сердце замедленно бухает у него в груди, словно набатный колокол. Скоби хватал ртом воздух. Но он бежал дальше, не останавливаясь, и тащил за собой полубомбочную девушку. Скоби Редферн был сейчас почти что безумен.

Деревья впереди уже сплошь купались в желтом свете. Редферн видел, как отчетливо выделяются ало-оранжевые стволы и лилово-фиолетовые ветви на фоне этого блеклого сияния. Он прокладывал себе путь все дальше.

Они почти выпали из леса.

Прямо перед ними раскинулись башенки, стены и купола города, созданного, казалось, из драгоценностей. Город потрескивал и искрился светом, купаясь в этом всепроникающем желтом сиянии. Потом Редферн понял, что город стоит просто на солнечном свету, самом обычном свету самого обычного, хотя и чужого, солнца, превратившемся в это призрачное янтарное сияние лишь благодаря контрасту с буйством ядовитых красок в лесу.

— Они пытались направить нас в другую сторону с помощью своих отвратительных гигантских тараканов, — пропыхтел Редферн. — Но мы направляемся в эту сторону! Вперед — прямо в их чертов город!

И он быстрым шагом двинулся вперед, волоча за собой Вал.

Между ними и городом росло несколько деревьев и кустов. А дальше под ясным голубым небом, в котором сияло желтое солнце и проплывали белые облака, раскинулась равнина, по которой они шли, казалось, уже так давно. Слева от них появилась группа тараканов, а другая — справа. Черные с желтым и черные с белым ужасные твари принялись нагонять людей, издавая пронзительный охотничий визг.

— Не обращай на них внимания, Вал.

Та начала было отвечать, но передумала, сберегая дыхание для ходьбы и бега.

Вдруг перед ними воздвиглась какая-то тварь. Редферн остановился. Слева от него

росло дерево и он сделал полшага к этому дереву, не выпуская в то же время из виду новую тварь, которая могла когда-то прежде быть человеком. Она носила пародию на доспехи: ржавый стальной нагрудник и морион. Голые, тощие, как у скелета ноги прикрывали наколенники. Тварь поджидала их. Лицо его было безумной смесью морды богомола с некоторыми человеческими чертами. С лица смотрели на беглецов большие фасеточные глаза. Вал завизжала и от ее антенн полетели синие искры. Но антенны Редферна по-прежнему сверкали красным сиянием гнева. Тварь подняла самострел и у ног Редферна с шипением вонзилась в землю короткая стрела. Он заколебался. Тварь методично перезарядила оружие с помощью маленького ворота, укрепленного на прикладе. Страшная голова вновь поднялась и наконечник стрелы уставился в грудь Редферну. Скоби поднял винтовку и пошел в атаку. Нога его за что-то зацепилась и он свалился. Винтовка вылетела из его руки. Все еще пылая гневом, Редферн оперся руками о землю и поднялся на ноги.

Тварь щелкнула челюстями и повела самострелом, не выпуская Редферна из-под прицела.

— Они не хотят убивать нас, Вал, помни! — крикнул Скоби.

Именно поэтому он не стрелял до сих пор, но теперь начал подбираться к отлетевшему в сторону «Спрингфилду», полный мрачной решимости проложить себе, если понадобится, путь выстрелами.

Вал снова завизжала. Редферн прыгнул к винтовке. Звучно щелкнула тетива самострела и стрела просвистела сквозь то место, где он только что находился, смачно вонзившись в дерево. Редферн замер, пораженный. Этот выстрел был нацелен точно в него — нацелен, чтобы убить.

— Скоби! Теперь они на самом деле пытаются нас убить!

По-настоящему!

Глава 8

Самострел выглядел, как солидное охотничье оружие. Заскрипела натягиваемая тетива. Пробираясь вперед на четвереньках и начиная сознавать реальность только что происшедшего и нависшую над ним угрозу неотвратимой гибели, Редферн заметил еще трех таких же кладбищенских упырей, выходящих из зарослей и поворачивающихся к нему, выставив перед собой самострелы. Солнце зажигало на наконечниках стрел язычки пламени.

С обеих сторон подползали мохнатые тараканы.

Всхлипы Вал едва не лишили Редферна присутствия духа.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

— Все будет нормально, Вал! Если они хотят изменить правила, которые сами же установили, мы и с этим справимся, — Редферн вновь двинулся к винтовке. — Не знаю, на каком погосте они вырыли этих тварей, но винтовочная пуля их наверняка отошлет обратно, и чертовски быстро! Теперь он понимал, что волшебники Сенчурии внимательно контролировали события в лесу. Он сознавал, что мог воспринимать то, что им требовалось, через посредство излучений с определенной длиной волны, вторгавшихся в его мозг. Просто откуда-то ему было известно, что волшебники хотели пугать и гнать людей, чтобы запастись извлеченную из них эмоцию страха для последующего использования.

Но теперь люди прорвали кольцо. Они отказались убегать. Они не бежали послушно в дикой панике по фантазмагорическому лесу, но прорвались обратно к городу. Должно быть, волшебники Сенчурии догадались, что задумал Редферн. Так что теперь игра была закончена. Партия сыграна. Люди последовательно отказывались платить, поэтому теперь они должны быть убиты.

Их смерть не останется бесполезной и незамеченной. Редферн знал, сам не зная, откуда знает, что их предсмертные эмоции будут бережно собраны, представляя собой замечательный лакомый кусочек для волшебников Сенчурии. Винтовка, наконец, оказалась в его руках — твердая, блестящая и вселяющая уверенность. Редферн никогда не отличался

воинственностью. Он понимал, что винтовки, оставленные ему, были лишь одной из уловок. Может быть, они не будут стрелять. Может быть, бойки у них спилены. Может, из всех патронов высыпан порох. А может быть даже, волшебники Сенчурии и не возражают, чтобы он застрелил несколько их любимых охотничьих тараканов. Их просто спишут на расходы охоты. А эти кладбищенские упыри? Согласны волшебники тратить и их тоже?

Редферн вскинул винтовку и сощурился, глядя в прицел.

Сейчас он узнает.

Он нажал на спуск и услышал вполне удовлетворительный выстрел, почувствовал основательную отдачу. Пуля поразила упыря в верхнюю часть груди как раз, когда тот собирался спустить тетиву.

Упырь завалился на бок, издав жуткий заунывный вопль. Самострел его взлетел высоко в воздух, а стрела отлетела в сторону, кувыркаясь и сверкая на солнце полированным наконечником.

Даже не уделив ему второго взгляда, Редферн передернул затвор и прицелился в первую из трех приближающихся тварей, которые вышли из зарослей.

Он свалил ее с первого выстрела. Как мишени, они напоминали людей не больше, чем глиняные фигурки с ярмарки. Это хоть как-то утешило Редферна, подарив ему толику нормальности среди окружающего безумия. Он всегда был уверен, что стрелять в таких же людей, как он сам — это за пределами его возможностей.

На третий раз он промахнулся, и еще три выстрела потребовалось, чтобы снять оставшихся двоих упырей. Редферн рассмеялся дрожащим смехом и встал.

— Я все гадал, остаются ли они лежать, когда их убьют.

Стоило ему сказать это, как он тут же пожалел о своих словах. Лицо Вал сморщилось.

— Нет, Скоби! Это было бы...

— Да мертвы они, Вал, все в порядке.

Однако мохнатые охотничьи тараканы все приближались. Вид измученного лица девушки, с которого сбежала вся обычная живость и веселье, наполнил сердце Редферна гневом. Он чувствовал, как распускается в нем цветок бешенства. Окажись волшебники Сенчурии славными толстячками вроде Деда Мороза, он и то не почувствовал бы сейчас особого раскаяния, расправившись с ними так же, как только что расправился с упырями. Не должны люди творить такие грязные вещи с другими людьми... особенно с девушками.

Редферн двинулся к городу, вталкивая на ходу в магазин новую обойму. Тараканы двигались по бокам параллельно его маршруту.

Следующей маячившей впереди проблемой будут кристаллы с их изумрудными силовыми лучами.

Тараканы продолжали двигаться слева, но открыли дорогу направо.

— Снова они пытаются нас пасти, — мрачно сказал Редферн. — Правило номер один: всегда делай прямо противоположное тому, чего от тебя хочет начальство. Таким способом ты чего-то добьешься, если раньше не потеряешь голову. Вал ответила испуганной полуулыбкой.

— Мы еще живы, Скоби.

Едва-едва Редферн не сказал: «Вот и славная девочка». Но в нынешних обстоятельствах эта фраза показалась ему пошлой и неестественной. Он вспомнил об упырях, скошенных его пулями, и задумался — а не будет ли он впоследствии сожалеть о том, что убил их. Даже животные заслуживают, чтобы человек серьезно подумал, прежде чем их уничтожить. Редферн упрямо продолжал двигаться прямо к городу. Теперь слева от себя, там, откуда все ближе подступали бегущие сплошным черно-желто-белым потоком тараканы, он увидел высокое здание, несколько отстоящее от основной массы городских построек. В стенах здания были прорезаны высокие окна.

— Вот откуда мы вышли, — пропыхтел Редферн. — Значит, они не хотят, чтобы мы туда возвращались. Отлично! Как раз и мы не хотим!

Между этим высоким зданием и окраинами города протянулся узкий рукав леса. Скоро

он отделил беглецов от здания. Тараканы шустро разбежались в разные стороны и принялись нырять в лес. Редферн, чрезвычайно позабавленный, свернул направо и выбрал ближайшие ворота в городской стене. Теперь его отделяла от них только идущая параллельно стене дорога, посыпанная гравием и обсаженная кустами, усыпанными мелкими, желтыми звездчатыми цветочками. Редферн побежал вперед, чтобы пересечь дорогу.

Желтый цветок с куста взвился в воздух и понесся к нему, словно миниатюрная жужжащая пила. Редферн заметил уголком глаза, как что-то мелькнуло в воздухе, и пригнулся. Этот предмет жужжал, точно гигантская муха. Он вращался, так что звездообразная чашечка сливалась в размытый диск. Ею была срезана длинная прядь из неорганизованной копны светлых волос на голове Редферна.

Еще один цветок покинул свой стебель и полетел к людям. Редферн отбил его ладонью машинальным резким движением, отработанным за время долгих занятий теннисом, и почувствовал, как цветок врезался в его ладонь, точно бритва. Вал ахнула — еще один «цветочек» вонзился в ее округлое плечо, из которого тотчас же потекла струйка крови. Сорвавшись с куста, цветок летел по прямой, а потом, если ему не удавалось попасть в цель, падал на землю. Те, которые попадали, извлекали из людей фонтанчики крови и крики боли. Вскоре они бежали сквозь облако жалящих цветов, словно сквозь рой безмозгло порхающих бабочек.

— Мы должны вернуться! — закричала Вал.

— Нет! Беги дальше!

Тело Редферна горело, словно его раздирали на куски. Он размахивал руками. Потом положил винтовку, сорвал с себя изодранные остатки рубахи, вновь забросил винтовку за плечо и принялся обмахиваться рубашкой, как опахалом. Он старался также хлестать ею по воздуху вокруг Вал, предоставляя ей ту защиту, какую был в силах. На ее смуглой коже уже блестели мириады крошечных окровавленных порезов. Непрерывно жалящие и терзающие людей крошки вот-вот готовы были с ними расправиться.

Редферн прыгал, откалывал коленца и вертел рубашкой, точно пляшущий дервиш, а Вал вертелась и подпрыгивала вместе с ним, будто танцовщица, исполняющая танец с семью вуалями. Окруженные вихрем желтых кружочков, они пересекали посыпанную гравием дорогу, а их между тем кусали, резали и язвили. Что бы ни представляли собой эти звездочки, то не были цветы с мягкими лепестками. В состав их твердых кристаллических краев явно входил кремний. Какая движущая сила заставляла их таким образом взлетать в воздух, вращаться и разить, Редферн не знал. Но ответ должен находиться у волшебников Сенчурии. Скоби Редферн все сильнее и сильнее предвкушал встречу с ними, которую сам себе пообещал. Ясно было, что волшебники обладают огромными научными знаниями: кристаллы, изумрудный луч, прямое воздействие на мозг, а теперь еще и эти смертоносные, вращающиеся, острые как бритва желтые цветы.

Вокруг них плыло море желтизны. Словно оказавшись в чашечке цветка, полной осыпающейся золотистой пыльцы, брели они, шатаясь, по гравию. Их тела покрылись кровавой сыпью, словно они пробежали нагими под струями кровавого дождя. Одной рукой сбивая жалящие цветы на лету рубашкой, а другой таща за собой Вал, Редферн добрался каким-то образом до травы на противоположной стороне дороги. Кожа пылала так, словно его протаскивали по острейшей великанской терке для мускатного ореха. Каждый вздох причинял боль. Кровь капала со лба и все, что он видел, окрашивалось в алый оттенок. Редферн заставлял себя двигаться дальше.

— Держись, Вал! Всего несколько шагов осталось — держись!

Рубашка утратила свой серый цвет, сделавшись желто-красной. В голове отдавался один и тот же невнятный рефрен. Он забыл о Вал, она превратилась для него лишь в тяжесть, которую необходимо тянуть. Еще несколько шагов... Цветы жалили, словно мириады обезумевших шершней, жалили, как правда, жалили, словно небрежно расшвыриваемые пригоршни серебряных монет. Изжаленные, упали беглецы на траву и смотрели залитыми кровью глазами, как последние несколько цветов падают на землю, не долетев до них

каких-то двух футов.

Редферн слабо засмеялся.

Хотя он и знал, что эти события происходят вокруг него на самом деле, все же Скоби не оставался совсем уж глух к соблазну поверить, будто они — лишь галлюцинация. Как просто было бы тогда ответить на все вопросы! Однако мир, в котором он сейчас находился, Сенчурия, мир волшебников, существовал в действительности. Все это было на самом деле.

— Мы срочно нуждаемся в лечении, — с этими словами он встал, все еще тяжело дыша. Кожа его была, словно плащ кающегося паломника, в голове легко и пусто.

— Ты ужасно выглядишь, Скоби.

— Ты и сама выглядишь не так чтобы очень. Но я тебя все равно люблю. — Немедленно последовавший с ее стороны отклик Скоби решительно пресек. — Нам надо попасть в город и помыться. Я себя чувствую так, словно только что искупался в кипятке.

Вал старалась теперь быть отважной — ради него, а также, видя, насколько он преуспел, ради собственной женской гордости и презрения к волшебникам Сенчурии.

— Как и многим людям до них, — сообщил Редферн, когда они направлялись к воротам, — этим волшебникам из Сенчурии предстоит узнать, что насилие вовсе не разрешает все вопросы. Оно занимает свое место в мире, на этот счет заблуждаться не приходится. Но насилие — не последний судия.

Вал ответила невпопад:

— Эти твари... они все еще следуют за нами.

Тараканы пересекли дорогу из гравия и проползли мимо кустов с желтыми цветами. Ни одна звездчатая чашечка даже не шелохнулась.

— Одно зло поладило с другим, — буркнул Редферн. Он пошел быстрее. Ускорил ли он шаги, чтобы побыстрее попасть в город, или же для того, чтобы оторваться от тараканов, осталось под вопросом.

Из ворот вышли рядом четыре кладбищенских упыря. Каждый из них держал по самострелу и первые двое сразу спустили тетиву.

Редферн, вжавшись всем телом в траву, взял на прицел каждого упыря по очереди. На сей раз ему потребовалось всего пять выстрелов, чтобы избавиться от четверки выходцев из могил, хотя стрелы вонзались в землю совсем рядом со Скоби. На мгновение он задумался об этом, прежде чем встать самому и помочь подняться Вал. «Избавиться». Славный, чистенький эвфемизм, означающий на самом деле, что он их застрелил, всадил в брюхо по пуле, превратив внутренности в месиво костей и крови.

Когда они проходили мимо тел, Редферн посмотрел вниз. Твари были долговязыми, неуклюжими. Они лежали, лениво раскинув мертвые конечности и, вынужден был признать Редферн, несмотря на гротескную смесь черт людей и насекомых, были, вероятно, все-таки живыми существами. Макабрическое сходство с ожившими покойниками было простой случайностью. Эта мысль не доставила Редферну радости. Перед ними поднимались ворота, причудливое нагромождение арабесок, зубчиков, завитушек, до блеска отполированных и усыпанных драгоценностями. Сама арка была исполнена в мавританском стиле и пронизана с обеих сторон многочисленными отверстиями звездчатой формы. В десятке ярдов перед воротами трава пропадала и ее место занимала плотно слежавшаяся земля. Когда шел дождь, земля под водостоком у ворот, должно быть, превращалась в трясину.

Кровопотеря становилась уже серьезной. Редферн чувствовал себя приподнятым над землей, словно тело полегчало и грозило оторваться от почвы и улететь. В ушах непрерывно звучал равномерный шорох, будто прибой, перекачивающий гальку на берегу.

Вал вяло повисла у него на руке, прикрыв глаза и едва дыша.

Какой-то звук заставил Редферна обернуться. Двигался он очень медленно даже для его собственных притупленных чувств. Три таракана — два черно-белых и один, тот что в центре, черно-желтый — стояли там и смотрели на него, пощелкивая жуткими челюстями. Редферн отступал, пока не оказался на линии ворот. Он попытался поднять винтовку, но почему-то не справился с ее весом. Раздражение в нем боролось с каким-то другим чувством,

которого он не мог опознать. Ему подумалось, что это, может быть, страх, но уверен он не был. Кажется, некоторое время назад он решил не иметь больше ничего общего со страхом, не так ли? Как-то это еще было связано с тем, чтобы натянуть нос волшебникам Сенчурии. Во всяком случае, это чувство ему нисколько не нравилось. Бедняжка Вал, она так плохо выглядит, все тело у нее сплошь покрыто кровавыми точечками. Собственно, и его тело тоже. Винтовка выпала из его руки прямо в пыль. К тому же затвором вниз. Ах, как плохо. Темнеет. Туман. Голова кружится. Лучше бы присесть. Вал уже спит. Спать. Неплохая мысль — он так устал, так устал...

Глава 9

Одинокие и отчужденные, завершенные и заброшенные, управляли Волшебники Сенчурии своим городом на границе леса, у пересечения измерений.

Многогранные странствующие кристаллы, вооруженные изумрудными разрушительными лучами и испускающие потоки ненависти прочесывали для них море трав. Полунасекомые-полулюди — упыри — охраняли их леса, а охотничьи тараканы бесшумно крались сквозь заросли, чтобы загнать, завалить и переварить бессильную жертву. Усыпанные желтыми звездочками кусты росли стройными рядами, чтобы обрушивать на незваного гостя вихрь вращающихся снарядов.

Одинокие и отчужденные, завершенные и заброшенные, жили Волшебники Сенчурии в своем городе драгоценностей. Одинокие, отчужденные и заброшенные — да. И напуганные. Смертельно напуганные. Напуганные и изолированные, Волшебники Сенчурии прозябали в своем удивительном драгоценном городе на краю леса, защищенном чудесами науки и колдовством, и дрожали при каждом сотрясении туго натянутой ткани измерений.

— Но они никогда не признаются, что боятся, — сказал Галт в своей обычной непререкаемо-авторитетной манере. Они прогуливались между клумбами цветов — обычных цветов — в саду Хризобериллового Крыла и вокруг плыл аромат диковинных разновидностей хризантем. Волшебники Сенчурии любили, чтобы во всем был порядок.

Редферн, до сих пор ходивший с некоторой осторожностью, кивнул. Вал опиралась на его руку. Скоби мысленно присвоил слову «Волшебники» прописную "В" с тех пор, как узнал побольше об их истории.

— Я нашел подход к их разновидности идеализма, — продолжал Галт. — Арлан учит сходной форме абстрагирования от мира...

— Но его учение куда теплей, Галт! Куда человечней! — вскричала Вал. Тот с улыбкой кивнул.

— В этих мирах ничто не достается задаром. Что ж, это довольно честное уравнение. Ты просто сам обернул его против себя, Скоби.

Редферн ничего не забыл. Выздоровление, после того, как его подлатали и влили ему новую кровь, потребовало некоторого времени. Лицо Вал тоже выглядело очень бледным, особенно вокруг губ. Им обоим не забыть испытаний, через которые они прошли с прикрепленными к головам передатчиками эмоций. Аппараты с них уже сняли, но Редферну казалось, будто он по-прежнему чувствует их на голове, будто к ней приклеился липкий моллюск.

— Это так. Но я по природе неспособен уважать власть, которая очевидно некомпетентна, чрезмерно жестока или просто тупа.

— К данной разновидности власти — Волшебникам — ни одно из этих определений не относится. Теперь ты знаешь, почему им необходимо всегда иметь полный заряд в своих аккумуляторах. Они смотрят на это исключительно как на честную сделку.

— Честную! — резковато фыркнула Вал.

Галт осуждающе улыбнулся. В дальнем конце залитого солнцем сада Мина, Тони и Нили свернули на дорожку из каменных плит, возвращаясь обратно. Их белые платья, такие же, как и те, что носили Галт, Вал и Редферн, шелковисто переливались от чистоты.

— Я считаю, что да, Вал. Волшебники хранят свою независимость в весьма деликатной ситуации. Теперь они защищают и всех нас.

— Однако эти их чертовы упыри пытались нас убить, — упрямо проворчал Редферн. Галт покачал массивной головой.

— Вовсе нет. Они стреляли анестезирующими дротиками.

Конечно, для людей эти дротики великоваты, но обычно Волшебникам приходится иметь дело с куда более чудовищными и опасными формами жизни, чем люди.

— А тараканы?

— Это животные исключительно для охоты. У нас в Монтрадо есть формы жизни, выведенные специально для охотничьих целей, так же, как и у вас на Земле. К тому же, Скоби, Волшебники простили тебе убийство суслинков, которых ты называешь тараканами. Что касается гара'хеков — ну, они действительно близки к зомби, так что твое определение их как кладбищенских упырей поражает своей проницательностью. Они...

— Ты хочешь сказать, они в самом деле... — Вал не договорила.

— Да, Вал. Волшебники изолированы здесь, на междумерной узловой точке огромного размера и потенциальной важности. Они вынуждены пользоваться всеми возможными уловками, чтобы сохранить свою целостность и независимость. Гара'хеки — действительно мертвецы, отреставрированные с помощью ментальных технологий, а также искусного электронного и механического колдовства таким образом, чтобы приносить определенную пользу. Они снабжены поддерживающим экзоскелетом и батареей на изотопах в качестве источника энергии и обладают своего рода псевдожизнью. С виду они не красавцы, само собой; зато превосходные лесорубы и водоносы. У Редферна эта мысль вызвала омерзение. Он задрожал.

— Но ведь я стрелял в них! Если они живые покойники, они бы не могли умереть, ведь они уже были бы мертвы.

— Выстрелами ты нарушал их моторные функции или системы управления. Ты сам говорил, что в некоторых тебе пришлось стрелять дважды.

Вал крепче прижалась к руке Редферна. Мина, Тони и Нили выглядели, словно белые статуи из иной, более счастливой эпохи, расхаживающие среди цветочных клумб. Редферн представил себе ужасные морды не то людей, не то насекомых, склоняющиеся над ним.

— Бедняги! — выдохнул он. — И это предстоит здесь всем людям после того, как они умрут?

— Я не нашел ничего странного, — серьезно ответил Галт, — в том, что Волшебники считают для себя честью возможность служить в такой форме своему народу и после смерти.

— Значит, все это время им нужны были от нас только эмоции, чтобы подзарядить свои аккумуляторы? Ну, — не слишком уверенно закончил Редферн, — так они их от нас и получили. Я напугался, как дурак.

— Я нахожу, что полюбить их очень трудно, — произнесла Вал своим мягким голосом. — Очень трудно.

— Вспомни учение Арлана. Оно тебе поможет.

— Ты говоришь, что Волшебники нас защищают, — сказал Редферн. Ему пришлось перестраивать свои представления на этот счет, но такая перестройка требует времени. — И ты сказал, что это огромная междумерная узловая точка. Как же тогда они могут быть изолированы?

Две группы гуляющих воссоединились, чтобы вместе продолжить прогулку в свете сенчурийского солнца.

— Это я могу тебе объяснить, Скоби, — заявил Тони с уверенностью, которой в нем раньше не замечалось. Его худое веснушчатое лицо повеселело и оживилось. — У нас в Монтрадо имеется транспортная система, сходная с вашей земной системой железных дорог. Представь себе, что Волшебники находятся на центральной платформе большой развязки. Их могут посещать люди из многих измерений, однако сами они отрезаны путаницей путей и искажением на барьерах. Необходимо много энергии, чтобы прорваться сквозь измерения,

если только рядом нет Врат и ты не Проводник. К ним прибывает множество посетителей. С расами некоторых измерений они ведут торговлю. К другим Волшебники питают только презрение и ненависть, и с ними-то они и воюют. Например, о порвонах они говорили с крайним отвращением и ужасом.

— Я о них уже слышал, — утвердительно кивнул Редферн.

— Всего только месяц назад им пришлось отбивать вторжение огромного войска полулюдей, исторгнутых узловой точкой в лесу. Вся территория здесь вокруг усеяна Вратами. Волшебникам пришлось обрушить на врагов всю мощь своего эмоционального оружия. Ненависть разливалась темными потоками страсти, весь лес содрогался от страха, — Галт рассказывал это с энтузиазмом. — С помощью эмоций они дали жестокий и страшный бой. К счастью для нас, Волшебники победили. Проиграй они, — Галт задумчиво пожал плечами, — мы, когда прибыли, получили бы совершенно другой прием.

Все направились обратно к Хризоберилловому Крылу. Вскоре их ждал обед. Галт продолжал рассказывать.

— Я обсудил с Вивасьяном проблему в целом. Он — то, что я называю их главным министром, удивительный старец, с которым мы подолгу обсуждаем философию Арлана. История вторжений из иных измерений берет у них начало со времен самых ранних письменных хроник. Они — гордая раса, но они многому научились у других измерений. Очень значительная часть их сил и научных знаний взята взаймы. Таким образом, они смогли добиться куда более высокого уровня технологических достижений, нежели тот, что был бы доступен им самим по себе здесь, на границе леса и моря травы. Остальная часть мира относительно девственная, неосвоенная. Предстоит большая исследовательская работа.

— Это очевидно, — Редферн поправил на голове обруч переводчика, мигающий своими драгоценными камешками. Теперь все они общались легко, свободно смешивая свои языки. — Пожалуй, можно испытать к ним жалость. Но они в самом деле ведут грубую игру. До сих пор чувствую, как врезаются в меня эти желтые цветы.

Галт вздохнул.

— Философия Арлана учит приятию всего, — он улыбнулся со своей тяжеловесной серьезностью. — Хотя мы и не смогли переварить графиню с ее когортами зла. Я думаю, ты придешь ко мнению, что Волшебники Сенчурии скрупулезно честны. Они берут и они дают. Они живут торговлей, в этом есть своя последовательность.

— Пожалуй, что так.

Все отправились на обед, проходивший в приятной обширной трапезной. Пища была великолепна. К ним присоединились Вивасьян и некоторые из его советников. Вивасьян был строгим, серьезным человеком, одетым в длинную алую мантию, главным образом принятую у Волшебников, когда они вообще носили одежду, а сильные черты его лица говорили о долгой и напряженной жизни, проведенной за уравниванием одной силы другой силой, за предохранением города и его народа от междумерного мошенничества и вторжений. Какое-то недолгое время этот человек был врагом Редферна, во всяком случае, по его собственному мнению, и теперь Скоби понимал, сколь мудро было изменить это положение вещей. Вивасьян мог быть полезным другом и ужасным противником.

Главный министр еще раз объяснил нынешнюю ситуацию и добавил:

— Мы способны усваивать все разновидности эмоций и приспособлять их к достижению наших целей. Предпочтительнее всего для нас пользоваться любовью. Это легче всего и собирать ее наиболее приятно. Обратная сторона любви — ненависть. У нас здесь есть электроэнцефалографы и мы изучили работы по психологии и психопатологии, ведущиеся во многих измерениях. Значительный вклад был внесен работами Кандинского с вашей Земли, господин Редферн. Собственно говоря, у нас даже имеется несколько земных аппаратов ЭЭГ в рабочем состоянии. Нервная энергия мозговых клеток, отчасти электрическая, а отчасти химическая по своей природе, может быть выделена и изолирована. Мы изолируем и используем ее, — Вивасьян вздохнул. — Но мы все же предпочитаем использовать любовь, а не ненависть. Мы все в очень затруднительном положении здесь, в

Сенчурии.

Вновь Редферн ощутил симпатию к этим принявшим его Волшебникам, несмотря на то, что продолжал считать подобающим чувствовать против них раздражение.

— Земля? — произнес он, подхватывая тему. — Значит, вы могли бы показать нам Врата, ведущие прямо домой?

Галт перебил его:

— Это мы уже проверили, Скоби. Отсюда нет прямых связей ни с Землей, ни с Монтрадо, ни с Ируниумом. Вал поставила на стол свой бокал с вином.

— Но все же мы можем вернуться домой обходными путями.

Как только достаточно окрепнем.

— Да, — согласился Вивасьян. — Да, это было бы самое лучшее.

Редферн не мог не заметить общей нездоровой атмосферы, царившей среди Волшебников, не ощутить их смирения, переходящего в апатию. Из всех мужчин и женщин в алых мантиях только Вивасьян, по-видимому, обладал силой и решимостью, не терпящими преград на пути того, чего он хотел добиться. Редферн замечал усталые лица и нервные жесты, рожденные вопросительным знаком, маячившим на месте будущего. Здесь, в Сенчурии, никогда не было какого-либо осмысленного и четкого образа грядущего.

— Чего они все боятся? — прошептал Редферн Галту.

Тот в ответ раздраженно передернул плечами.

— У них есть способы для проверки разнообразных узловых точек, разбросанных по их землям. Они могут ощутить изменения, подготовку, преднамеренное накопление сил, способных разорвать барьеры между измерениями в ключья.

— Ты хочешь сказать, что готовится еще одно вторжение? — задыхнулась от изумления Вал.

Галт мрачно кивнул.

Чувствуя себя лично заметно подкрепившимся, хотя Волшебники и продолжали вести себя столь же отрешенно, Редферн присоединился к остальным в прогулке по городу. Он дивился тому, сколько сосредоточено здесь богатств и как расточительно используются научные достижения для целей санитарии и освещения, дивился изобилию телесных удобств, улыбался при виде странных несоответствий в культуре, где, к примеру, обычная лампа дневного света оказывалась усыпанной драгоценностями. Он видел бесшумные электрические тележки, резво бегущие на толстых пневматических шинах, и каждая из тележек была передвижной выставкой драгоценных камней.

— Значительная часть технического оборудования поступает к нам из Сликоттера, — сказал Вивасьян, проводя их к искрящемуся драгоценностями эскалатору, ведущему на укрепления.

— Тамошние обитатели — не слишком приятный народ нечеловеческого обличья, но они признают эгоистический интерес, как ценный метод заключения сделок и уважают заключенный контракт.

Редферном вновь завладело ощущение необычности жизни в культуре, обменивающейся золотом, сокровищами и идеями со множеством измерений. Вот он идет по гладкому красному камню городских укреплений, наслаждаясь солнечным светом — а ведь одновременно вокруг раскинулась ужасная, замеченная снегом ледяная равнина, через которую они сюда добрались. Здесь же лежит и часть обширных саванн Ируниума, и здесь же, по-видимому, часть Манхэттена. Все они существуют одновременно, невидимые и отделенные друг от друга неразрушимыми стенами, более прочными, чем любые из созданных человеком материалов. Укрепления патрулировала группа гара'хеков. Живые мертвецы были одеты в свои неполные доспехи и несли короткие и широкие заостренные мечи. Вместо самострелов, с которыми они охотились на людей в лесах, они теперь держали более сложное оружие. Редферн заметил автоматические винтовки земной конструкции, на укреплениях также стояла автоматическая пушка на кардановом подвесе и странное коническое оружие, принцип действия которого остался ему неясен. Мысленно он сделал

заметку на память — разузнать, какой именно силой обладает это необычное оружие. Знание — сила, а в особенности знание о чужих системах оружия. Над морем травы проплыл патруль парящих кристаллов, словно несомая ветром стайка мыльных пузырей, только граненых и с твердыми краями — позванивающих и переливающихся, нечеловеческих и грозных.

Редферн узнал, что на самом деле никто внутри кристаллов не сидит. Каждый из них обладал своего рода разновидностью не слишком высокого псевдоразума. Разум этот включался приемником, настроенным на особую длину волны, и Волшебники на этой волне вели передачу. Такое устройство ограничивало радиус автономного действия кристаллов, зато позволяло хозяевам города полностью их контролировать. Кристаллы знали свое дело и выполняли его с беспощадной беспристрастностью, отлично сочетавшейся с их жесткой кристаллической природой. Море травы переливалось под солнцем.

С другой стороны желто-зеленой стеной стоял лес, полные невидимой жизни.

Редферн слишком хорошо создавал, что над ним нависло очень много нерешенных вопросов. Он создавал также, что с ответами на эти вопросы придется подождать, пока не завершится работа над более крупными проблемами, с которыми столкнулись он и его товарищи. Кипевшая вокруг деятельность еще яснее подчеркивала, что вскоре разразится конфликт. Еще несколько гротескных гара'хеков промаршировало на башни. Стая прожорливых суслинков, этих огромных мохнатых тараканов, выскочила из ворот вниз и понеслась через море травы. Блестящие кристаллы, мерцая и вспыхивая на солнце, выплывали сложные узоры вокруг суслинков и над ними. Желтые звездчатые цветы на выстроившихся рядами кустах, казалось, вибрируют, излучая яркое желтое сияние.

— Да, — утвердительно кивнул Вивасьян. — Сообщение принято.

Он задумчиво пошарил рукой у пояса своей алой мантии, будто искал там что-то, чего против всех ожиданий не оказалось на месте.

— Из мира, который нам известен, как Инфальгон, на нас надвигается новое нашествие, — Вивасьян вздохнул. — У них боевые машины и множество вооруженных людей. Снова нам, обитателям Сенчурии, придется опускаться до такой нелепости, как война, чтобы защитить то, во что мы верим.

— Я помогу вам! — гордо и яростно вскричал Тони.

— Да, — Галт угрюмо и серьезно кивнул. — Мы обещаем вам свою помощь.

— Обождите-ка минутку... — запротестовал Редферн.

Вал набросилась на него:

— О, Скоби! Конечно же, ты не можешь отказаться!

— Помогать Волшебникам, после того, что они с нами сделали? Это мне против шерсти, Вал.

Вал запрокинула к нему свое смуглое, залитое сейчас краской лицо, встревоженное и упрямое. Глаза ее метали грозные искры (Редферн невольно подумал, что в этом виновно сочетание влаги и солнечного света).

— Но ведь Галт же все объяснил! Таков их образ жизни, их натура требует абсолютно честной платы за полученные ценности...

— Полученные ценности! До сих пор чувствую эту чертову штуковину на моей голове! А их мерзкие желтые цветы меня в лапшу изрезали! Я бы сказал, что обмен ценностями был уж очень односторонним, Вал. А ты как думаешь? Вдали над горизонтом появился рой черных точек.

— Если бы ты знал философию Арлана, то ты понял бы!

Брать и отдавать — вот принципы, в которые каждый может поверить. И ведь Волшебники сейчас наша единственная надежда. Смотри!

Все, кто стоял на укреплениях, уже смотрели и многие показывали пальцами.

Черные точки увеличивались в размерах. По мере того, как ближайшие из них на глазах приобретали форму и цвет, из-за горизонта появлялись все новые, образуя нескончаемую ленту предметов, летящих к городу.

Редферн раскрыл рот.

Каждая точка превращалась в летающее существо с газовыми крыльями, округлые контуры которого дробили солнечный свет на радужные осколки. Биение хрупких прозрачных крыльев создавало вихрь красок. Перед головой у летающих созданий протянулись вперед длинные антенны.

На каждом летуне сидело верхом по коренастой фигурке, пригнувшейся вперед, собранной и чрезвычайно грозной. Солнечный свет отражался на выпуклых линзах очков и блестящей коже шлемов, искрился на остриях низко склоненных длинных копий. Наступавшее войско обрушивало перед собой град метательных снарядов. Гара'хеки издавали кашляющий звук и умирали вторично. Суслинки пищали и съеживались.

— Они пролетят прямо над желтыми цветами!

— Приготовиться! — энергично закричал Вивасьян. — Нашим врагам известно, кто здесь хозяева! Держитесь стойко, они идут на нас!

Свет солнца потемнел, заслоненный крыльями гигантского воинства.

Глава 10

— Скорее, женщин в укрытие! — прокричал Редферн. Если бы сейчас на голове у него был прикреплен сенчурийский выдаиватель эмоций, он бы переполнился.

Кристаллы вспыхивали на солнце. Крылатое войско мчалось дальше.

— Почему не работают ваши рассеиватели ненависти? — закричала Вал.

На лице Вивасьяна отразилось горькое разочарование, выдающее всю степень отчаяния Волшебника.

— Это существа, подобные гара'хекам! Они не чувствуют человеческих эмоций!

Два ближайших гара'хека развернули двадцатимиллиметровую автоматическую пушку, заряжая ее осколочными снарядами. Безмятежное сияние дня разорвали грохот, огонь и дым. С тех пор, как Редферн узнал сущность Волшебников Сенчурии и то, что их город лежит на пересечении множества измерений, он все время боялся этого момента.

Его нынешнее положение было в особенности мерзким — он мог потерять все. Как и сказала Вал, все, что он мог сейчас сделать, это попытаться помочь Волшебникам одолеть крылатое воинство из Инфальгона. Земля в этот момент, полный кричащего ужаса, казалась страшно далекой.

Редферн бросился к двадцатимиллиметровой пушке, оттолкнув от нее тело дважды умершего гара'хека. Полунасекомые, получеловеческие морды выглядели, как лица трупов, пролежавших в земле сотни лет. Гара'хеки падали, звеня броней. Метательные снаряды, которыми стреляли эти летуны — так Редферн вынужден был их называть за неимением более подходящего уничижительного эпитета — летели вниз по дуге и расплескивались лужицами дымящейся кислоты. Куда бы они ни попали, кислота проедала насквозь кожу, плоть и кость. Казалось, воздух полон этих снарядов.

Редферн пригнулся и нажал на спуск. Пушечка забилась под его руками и Редферн повел стволом, словно пожарный шлангом. Это, по всей вероятности, спасло ему жизнь. На мгновение небо над ним очистилось.

Подбежавший Тони упал рядом с ним и выстрелил из автоматической винтовки. Его худое веснушчатое лицо выражало напряженную сосредоточенность без единого признака страха. Редферн было задумался, как же сейчас выглядит его собственное лицо. Потом магазин пушечки опустел и она защелкала вхолостую.

— Как, черт возьми, перезаряжать эту штуку? — рявкнул Редферн.

— Понятия не имею, — Тони вставил в свой карабин новую обойму. — Уходи к внутренней стене. Я тебя прикрою. Редферн огляделся по сторонам. Другого оружия поблизости не было видно.

Инфальгоны соскакивали со своих крылатых летунов, прыгая на укрепления и с огромной точностью орудуя своими копьями. Гара'хеки отвечали им замедленно и неточно.

Редферн с первого взгляда понял, что они не обладают и толикой проворства, необходимого, чтобы драться с этими коренастыми дьяволами.

Лица под выпуклыми очками приближались. Узловатые конечности и мускулистые тела врагов прикрывали грубые чешуйчатые туники, они отталкивали друг друга, чтобы поскорее добраться до гара'хеков. Редферн силился побороть застилающий глаза ужас. Сейчас у него не было «Спрингфилда». После начала битвы прошли считанные секунды. Галт подталкивал Вал и тащил Мину к невысоким дверям, ведущим в башню, возвышавшуюся над этой секцией укреплений. Дым повис в воздухе. Из тех мест, куда угодили снаряды инфальгонов, разило кислотой. Гара'хеки и немногочисленные Волшебники сражались с захватчиками, тела павших чернели на солнце. Галт бранился, а Вал боролась.

— Уходи, Вал! Отправляйся в укрытие!

— Не пойду! Я тоже могу драться!

Галт перестал проталкивать Вал в узкое отверстие входа. Он выволок ее наружу и втолкнул внутрь Мину. Затем он метнулся внутрь сам и Редферн, поражаясь и не веря, увидел, как тяжелая металлическая дверь, инкрустированная драгоценностями, захлопнулась.

Какое-то мгновение Вал просто стояла в одиночестве, затем она схватила упавшее оружие — странного вида конструкцию с раструбом вместо дула и отогнутым назад ложем. В горле у Редферна пересохло. Раздирающий душу страх за безопасность девушки погнал его вперед.

— Вал!

Она увидела его.

На Вал внезапно спикировали два громко жужжащих летуна, всадники на которых уже свесили ноги и низко пригнули пики, словно огромные жала. Лица у этих порождений Инфальгона напоминали кошачьи морды, хищные и свирепые. Редферн бросился в атаку с пустыми руками.

Вал подняла свое оружие. Из него исторгся светящийся луч несколько бледнее по цвету, чем изумрудное оружие кристаллов. Там, где он касался инфальгонов, их тела сжимались и сохли. Летуны устремились прочь, неровно жужжа крыльями. В тот же миг Редферн подхватил Вал и силой оттащил ее назад, под прикрытие камней башни. Два кислотных шара расплескались, дымясь, там, где они только что стояли.

— Скоби! Это ужасно!

— Тони! — заорал Редферн.

Юноша метнулся к ним, перепрыгнув еще одну лужицу дымящейся кислоты. Лицо его осветилось радостью.

— Вал, с тобой все в порядке! А где Нили?

— Она пошла с Вивасьяном. Я отказалась... Галт...

Ее черты горестно исказились.

— Знаю, Вал. Не переживай сейчас из-за Галта. Если мы сами не найдем себе безопасное укрытие, с нами покончено!

Группа одетых в алое Волшебников, вооруженных исторгающим бледно-зеленый луч оружием, расчистили вокруг укреплений свободный участок. Появились новые гара'хеки. Захватывающая суматоха продолжалась. Стоило инфальгонам пересечь стены, как они соскакивали с летунов и вступали в рукопашную. Весь город наполнился шумом схваток.

— Сколько у нас шансов? — простонала Вал.

Теперь Редферн был в состоянии лучше оценить ситуацию. Он все еще был безоружным, однако, находясь в этом ненадолго выпавшем из битвы оазисе спокойствия, сумел разобраться, что к чему.

— Если мы не дадим им очистить стены, тогда наша возьмет, — объяснил он Вал. Кислая вонь сгущалась. — Если же они займут стены, то город потерян.

Редферн установил еще одну вещь. Инфальгоны стреляли своими кислотными

снарядами из короткорылых мортирок, закрепленных на сбруе летунов. Редферн не заметил, чтобы их перезаряжали. После одного выстрела противники полагались на копье или меч. Это, по крайней мере, давало какой-то шанс. Стоявшего у одного из зубцов гара'хека вдруг шатнуло в их направлении. Из спины у него торчало зазубренное копье, древко вошло в тело по середине, но гара'хек продолжал сражаться, обрушив свой меч на проткнувшего его инфальгона и раскроив тому кожу и мышцы. Инфальгон завизжал. Маленькое мускулистое создание в свою очередь взмахнуло мечом, нанося ответный удар.

Тони вскинул карабин, но послышался лишь щелчок пустого затвора.

Вал бледным лучом из своего оружия предала инфальгона скукоживающей смерти, однако и гара'хек, корчась, упал. Искусственно оживленный мертвец умер во второй раз. Редферн прыгнул вперед и подхватил меч инфальгона. Он был длиннее и тяжелей, чем короткие мечи гара'хек, с идеально уравновешенным прямым лезвием. Все, что Редферн знал о мечах, это что они больше не считаются непременной частью выходного костюма для джентльмена. Скоби взмахнул мечом в воздухе. Ему приходилось в жизни валить деревья. Шлепков кислотных снарядов уже заметно поубавилось. Поток летунов с прозрачными газовыми крыльями начинал иссякать. Теперь на стенах Сенчурии развернулась целая серия отдельных жестоких поединков.

На этом этапе битвы разнообразное оружие, перенятое Волшебниками у многих культур, дало им преимущество. Гара'хеки смогли сбиться в небольшие группы и расстреливать инфальгонов на расстоянии, в то время как те старались атаковать врукопашную. Редферн обратил внимание на кристаллы, лениво плывущие над стенами и расстреливавшие пришельцев с кошачьими мордами.

Скоби взмахнул мечом и ринулся в бой. Он чувствовал потребность разрядить напряжение, сбросить излишек энергии, а заодно доказать, хотя бы самым дурацким и мальчишеским образом, что в состоянии постоять за своих друзей. Меч взлетал и опускался в его руках, словно топорик мясника. Скоби был выше, чем инфальгоны, и мог просто протягивать руку и рубить их, если только оставался достаточно осторожен, чтобы не дать им подобраться поближе. Тони, расстреляв заряды своего карабина, сражался рядом с Редферном подобранным здесь же мечом. Они расчистили небольшой участок, а потом, вместе с присоединившимися к ним Волшебниками и гара'хеками, и всю секцию укреплений. Редферн чувствовал ужас и стыд из-за такого масштабного уничтожения чужой формы жизни, даже хотя бы и враждебной, но в данных обстоятельствах, когда представители этой формы старались выпустить из него кишки, не мог позволить себе роскоши уклоняться от боя. Тони испустил громкий крик.

Нили мчалась к нему, словно Диана после охоты, с дымящимся «Спрингфилдом» в левой руке и окровавленным кинжалом в правой. Ее белое платье было разорвано и покрыто красными пятнами, а лицо выражало непонятную экзальтацию. Редферн, на мгновение выпавший в этот момент из боя, успел задуматься, какими же забавами развлекаются люди в мире Нили — Нарлинге. Пока Тони и Нили уверяли друг друга, что ни один из них не ранен, Редферн поглядел на Вал. Ее грудь вздымалась. Вид у нее был изможденный. Вал попыталась ответить на его взгляд отважной улыбкой, однако вышла лишь кривая гримаса.

— Значит, мы победили, Скоби.

— Похоже на то.

По стене шел Волшебник, безотлучно находившийся при Вивасьяне, покуда не вступил в битву, а теперь несущий стреляющее зеленым лучом оружие в дрожащей руке. По его серьезному лицу Редферн сразу догадался, что новости не из приятных. Скоби ощутил приступ разочарования.

— Первую схватку мы выиграли, — негромко произнес Волшебник. — Но вы забываете про боевые машины. Скоро они переползут травяное море. Тогда и начнется настоящая битва.

— О, только не это! — воскликнул Скоби Редферн, совершенно раздавленный новостью. Вал истерически засмеялась.

Тони крепко поцеловал Нили и приотдвинул ее от себя.

— Но мы все-таки можем еще разбить их! Сам Арлан не допустит, чтобы мы пропали после всего, что сумели перенести!

— Но как же излучатели ненависти! — Редферн крепче обнял Вал за плечи, стараясь утешить ее. — Мимо них никто не сможет пройти!

Волшебник кивнул, однако без всякой уверенности.

— Инфальгоны — создания сходной природы с нашими верными гара'хеками. Вы видели, в чем между ними разница.

— Они шустрее, — кивнул Редферн. — Крепче, да и смышленей. Ну и что?

— А то, что существа, которые их создали, могут оказаться иммунными к нашим проекторам эмоций. Мы, конечно, испробуем на них все эмоции: страх, ненависть, раскаяние, даже любовь. Мы попытаемся разбить их. Но пришел день, которого мы, жители Сенчурии, давно боимся — день расплаты, когда против нас идет войско, устойчивое к нашей эмоциотехнологии.

Меч Тони зазвенел о камень.

— Мы будем драться! — сердито и несчастно воскликнул он. Явно, то что сказал Волшебник, ему вовсе не понравилось. Нили уже не обнимала его, а осторожно и с любопытством осматривала один из излучателей зеленого луча. Казалось, ее несколько не заботит и не беспокоит, что руки и все тело у нее залиты кровью.

— Конечно, Тон, — подтвердила она, пощелкивая переключателем мощности излучения. — Конечно, мы сразимся с ними. Но на Скоби Редферна обрушилось вдруг внезапное, предательское, исполненное горькой иронии сознание, что все напрасно, все идет неправильно и своими отважными словами и деяниями они лишь попусту сотрясают воздух. Конец в самом деле приближается и они не в силах сделать ничего, что предотвратило бы его или отодвинуло хоть на миллиметр. Шум собиравшейся толпы отвлек его мысли от решений, принять которые Редферн все равно не мог. Он посмотрел вниз, на город. Огромное сборище людей медленно продвигалось в направлении стены. Люди полезли вверх. На них были надеты отдельные части доспехов, алые мантии, коричневые, синие и черные халаты. Многие несли излучатели, кое-кто — винтовки и автоматы, а еще некоторые — коническое оружие и другие виды вооружения, незнакомые Редферну. Приближались они равномерно, однако все же как-то нехотя, словно только что получившие выволочку дети на чай к ненавистной тетушке.

— Вся Сенчурия будет драться, — Волшебник произнес эти слова механически, словно сознавая всю их бесплодность.

— Но ведь среди них старики! — запротестовала Вал.

— А почему бы вам не омолодить их, как вы омолодили нас?

— Процесс омолаживания используется в течение многих поколений, — объяснил Волшебник. — Молодость каждого отдельного индивидуума может быть восстановлена лишь ограниченное количество раз, после этого силы природы берут свое. Некоторые из этих людей прожили на свете по тысяче лет. У Редферна при мысли об этом закружилась голова.

— Ваша культура очень странная, и какая-то строгая при этом, — выдохнула Вал. Она поймала Редферна за руку. — И ей предстоит быть уничтоженной! Ох, Скоби! Неужели мы ничего не можем поделать?

Редферн все еще считал, что Волшебники плохо с ним обошлись, хотя и понимал теперь, по каким причинам. Они были серьезным, воспитанным народом и делали из вежливости лживые комплименты земной гериатрической науке и энцефалографии, хотя их процедура омолаживания, должно быть, настолько же далеко ушла вперед от любых достижений земной гериатрии, как пересадка сердца от тонзиллэктомии. Редферн полагал, что даже по их собственным, очень строгим и, может быть, суровым стандартам меновых сделок, он после этого боя ничего им не должен. По всей видимости, они считают необходимым использовать жизнь в полной мере, продляя ее омолаживаниями, а после этого

еще и продолжая в образе гара'хека. А раз так, значит, они должны чувствовать к ней уважение. И все это, вся отчаянная борьба за сохранение достаточного количества народа, чтобы сделать жизнь оправданной, вся их наука, все умения и искусства — все будет уничтожено. В этом Редферн был абсолютно уверен. Он не знал, почему так сожалеет об этом, после того, что пережил с выдаивателем эмоций на голове. Теперь он знал, на что будут использованы в преображенном виде эти эмоции: против боевых машин инфальгонов. Будут использованы — и тщетно. Редферн посмотрел на Вал. Та ответила на его взгляд, сглотнула, быстро заморгала и втянула голову в плечи в ожидании его слов.

Скоби Редферну показалось, будто капкан захлопывает на нем свои стальные челюсти.

Парадоксальным образом, это чувство было сейчас сильнее — здесь, на залитых солнцем укреплениях города Волшебников Сенчурии, со стоявшей рядом и вызывающей к нему прекрасной девушкой — чем в ту пору, когда он, будучи в рабстве, валялся на соломенной подстилке в алмазных копиях Ируниума. Давление. Силы. Величайшие силы сминают его жизнь. Те, которые всегда были злейшими врагами Скоби Редферна. На стену медленно взошел Вивасьян. Вал и другой Волшебник оживленно заговорили с ним. К ним присоединились Тони и Нили. Возбуждение охватывало их все больше и больше. Потом Вал потянула Редферна за руку.

— Хватит, приди в себя, Скоби! Слушай, есть способ победить инфальгонов...

— Знаю, — Редферн уже принял решение. — Мы останемся и сразимся. Все вместе. Если проиграем, так проиграем. Мы...

— Нет, Скоби! — воскликнула Вал. На ее лице играло оживление от услышанных новостей. — Вивасьян знает, где можно достать великое оружие. — Только тот, кто решится его достать, будет, по всей вероятности, при этом убит!

Глава 11

Поцеловать или убить.

Редферн вспомнил эту фразу, которой он обещал себе, что ответит любой встречной силе согласно тому, как она с ним поступит.

Ну, так что же ему теперь делать?

Он чертовски хорошо знал, что ему делать, задолго до того, как позволил заманить себя в эту странную пещеру с ее сталактитами, мрачными закоулками и ощутимым дуновением зла. Тьма, казалось, сдавливала тело. Лучи фонариков прорезали каналыцы света толщиной с карандаш в массиве окружающей тьмы. О да, сказал себе Скоби Редферн, с содроганием соскальзывая в ледяной подземный поток, он знал, что должен был сделать. Он должен был схватить Вал в охапку и велеть ей разыскать новую узловую точку, чтобы переправить их в другое, более ласковое измерение. Своих друзей она тоже могла взять с собой. Если бы он настоял, они могли бы сейчас быть в Нью-Йорке, ели бы сочный бифштекс с полным гарниром и пили из чашек дымящийся кофе... Рот Скоби наполнился слюной, и он был вынужден сплюнуть и выругаться.

— Тихо, Скоби! — Вал неласково толкнула его под ребра.

Вместо этого они полностью снарядились и были доставлены к узловой точке, к Вратам внутри города Волшебников, и Вал перенесла их сквозь эти Врата — Тони, Нили, себя самое и Редферна. И теперь они находятся в ином мире и крадутся сквозь насыщенную ужасом цепочку пещер в поисках еще одних Врат, ведущих в следующий мир.

— Далеко еще? — свистящим шепотом спросил Тони.

— Я уже чувствую их впереди. Помалкивай. Вивасьян говорил, что здесь... водятся... всякие твари... Нили хрипло пробормотала что-то про жабы потроха. Среди Волшебников не было своих Проводников — эта мутация не проявлялась среди представителей их расы, и они ее не очень-то и приветствовали. Вал их просто поразила. Однако Вивасьян сказал: «В мире под названием Нарангон, жители которого старые и непримиримые враги Инфальгона, есть оружие, способное уничтожить боевые машины. Нам о нем известно, но ни один

торговец никогда его нам не предлагал. Теперь это оружие нам необходимо».

— Мы близко, — прошептала Вал.

Они прокрались вокруг огромного валуна, отломившегося, должно быть, от потолка давным-давно. Оказавшись по другую сторону валуна, более или менее освещенного их фонариками и пятнами фосфоресцирующего мха, они остановились. Все сбились кучкой поближе к камню, между тем, как Вал поворачивалась вокруг себя, напрягая чутье. Ее закрытые глаза и отрешенное лицо завораживали Редферна.

Они попали в эту пещеру из подвала замка Волшебников, и искали теперь следующие Врата, чтобы продолжить свой мрачный путь сквозь измерения.

Позади них послышался звук — что-то как бы ползло по перекатывающейся гальке.

Тони повел фонариком. Нили помянула жабы гляделки и выхватила лучевое оружие. Редферн почувствовал, как подступает к горлу содержимое желудка и тоже извлек оружие, стреляющее зеленым лучом. Вал стояла по-прежнему, разыскивая в невещественной среде следующую узловую точку. Над ними внезапно нависло чешуйчатое тело гигантской змеи. Клинообразная голова уставилась на них, постреливая длинным языком. В свете фонариков блестели четыре длинных клыка, торчащих из окаймленного черной полоской рта. Огромная голова рептилии покачивалась вперед и назад, глаза отсвечивали желтым светом. Свитое в чешуйчатые кольца тело заструилось вперед. Холодный блеск чешуй завораживал, так же, как ярость, горевшая в желтых глазах.

— Клянусь благим Арланом! — дрожащим голосом прошептал Тони.

Свиная клинообразная голова метнулась вперед. Голова была не меньше малолитражки, огромная пасть могла бы проглотить человека в один присест. Редферн испытал потрясение, представив на миг руки и ноги Вал, торчащие, словно палочки, по обе стороны этой плоской пасти. Нили выстрелила. Бледно-зеленый луч прошил чешую и кожу. Из разодранной плоти вдруг проглянули кости. В воздухе вился дым. Пещера наполнилась запахом горелого мяса. Редферн тоже начал стрелять. Голова змеи отделилась от тела и рухнула рядом с ними.

Но теперь она подпрыгивала, плясала и билась уже без тела.словно мяч, она усакала в темноту пещеры. Тело же неистовствовало. Чешуйчатые петли свивались и развивались, металась и билась. Камни размывались в порошок. Летела пыль. Наконец отвратительное живое бревно дернулось и обмякло. Дрожь раз-другой сотрясла его бока и змея наконец умерла.

— Что за чудовище! — одобрительно сказала Нили. — Хотела бы я прихватить с собой его голову. Вал открыла глаза.

— Идем дальше, — сказала она, даже не посмотрев на змею.

Бесшумно, непрерывно оглядываясь вокруг продвигались они вперед через валуны, гравий и сланец, пока не достигли ложа маленького ручья.

— Здесь, — просто сказала Вал.

Все встали рядом, обхватили друг друга руками, держа оружие наготове и Вал велела приготовиться к перемещению. Без суеты, лишь слегка содрогнувшись, они перешли в иной мир.

Крошечный, едва сочащийся ручеек пещеры мгновенно превратился в широкую реку, быстро несущую вперед коричневые воды. По всей длине течения крутились и вертелись в водоворотах бревна и мусор. Люди стояли на осыпающемся берегу, под опутанными лианами деревьями, которые клонились, грозя рухнуть в поток. Землю размывало и уносило целыми кусками. Одно из деревьев у них на глазах накренилось и упало со всплеском, подняв облако брызг.

— Паводок, — сообщила Нили, словно делаясь важной информацией. Она настороженно оглядывалась вокруг.

— Куда теперь, Вал? — спросил Редферн.

— Я немного растеряна, — призналась та. — Все здесь такое... новое...

Скоби вынужден был себе напомнить, что ремесло Проводника для Вал столь же ново

и странно, как и для него, а вероятнее, даже более. При всем том она отважная девочка. Вал будет покрепче даже, чем Нили с ее грубой храбростью. Она, так сказать, из хорошего волокна крепкой вязки.

— Вивасьян знает дорогу, Вал, — напомнил Редферн с небрежной уверенностью, надеясь, что Вал не поймет, какое это притворство. — Где должны быть следующие Врата, про которые он рассказывал?

— По-моему, до Нарангона осталось еще одно измерение...

От берега вновь откололся целый пласт земли, словно отхваченный ковшом экскаватора. Группа путешественников по измерениям подалась назад. Редферн проверил, надежно ли закрыты их тяжелые рюкзаки и удобно ли закреплено оружие, включая длинный инфальгонский меч, который он сохранил, а потом мрачно сказал Вал:

— Ну ладно. Пошли к этим следующим Вратам.

Несколькими ярдами выше по течению Вал кивнула.

— Здесь.

Они вновь совершили переход все той же компактной группой. Вновь, несмотря на весь предыдущий опыт, Редферн не смог не поразиться странности перешагивания из одного мира в другой, этого проникновения сквозь барьеры и стены, невидимые, однако более прочные, чем берилловая сталь, этого сознания, что вокруг него одновременно находятся знакомые улицы Нью-Йорка, копи Ируниума, город Волшебников Сенчурии, и кто знает, сколько еще из бесчисленного множества измерений? Они возникли в очередном новом мире посреди буйства липнущих к рукам паутинок. Ветер колыхал вокруг них дрожащие ленты, свитки и вымпелы из шелка и газа, швырял их в глаза и лица, обвивал вокруг ног, заносил в рты. Четверо путешественников оступались на мягкой, колышущейся почве. Запах жасмина наполнял воздух, а вокруг вились удушающие потоки паутины. Редферн мог бы поклясться, что он слышит «Императорский концерт» Бетховена, звучащий на заднем плане, и сладкозвучные ноты фортепиано взвываются в такт с колеблющейся и колышущейся массой окруживших их паутинок и ленточек. Он обнажил инфальгонский меч и рассек перед собой паутину. Остальные сделали то же самое ножами. Тотчас вокруг них сомкнулись новые нити, принесенные этим непрекращавшимся ветерком. Путешественники обнаружили, что вынуждены непрерывно разрезать и разматывать с себя эти паутинные пути.

— Куда теперь, Вал?

Редферн заметил, что кричит, не понимая сам, почему. Должно быть, густота, давящая насыщенность воздуха парящими волокнами, текучие узоры тени и света, испускаемого невидимым небом, гулкое биение музыки и коварный, вселяющий апатию аромат, все вместе подталкивали его к определенной реакции — и Скоби Редферн машинально отреагировал, как всегда реагировал на попытки себя подтолкнуть.

— Вот сюда. Недалеко...

Все пробивались следом за Вал, отпихивая от себя кольца и ленты разноцветного серпантина, отдирая липкие нити от волос и лиц. Казалось, продвижение заняло целую вечность. Затем Вал остановилась, напрягая чутье.

— Здесь... Мне так кажется...

Редферн ей посочувствовал. Он был не в силах представить себе это немыслимое иное чувство, позволяющее Проводникам находить невидимые координаты входов и выходов из миров по обе стороны от узловой точки, зато он отлично понимал, как трудно решить, где ты, черт возьми, находишься в таком безумном мире, как этот мир паутины и парящих лент. Он ласково коснулся руки Вал и та ответила ему быстрой признательной улыбкой.

— Ладно, Вал. Давайте-ка сойдемся поближе. — Нили свирепо взмахнула ножом, рассекая липкие шелковинки частыми широкими ударами. — Этот мир все равно как... Оказалось, по мнению Нили этот мир имел известное сходство с жабыми потрохами.

Начали они в подвале замка Волшебников Сенчурии, а значит, вполне могли, как вынужден был нехотя рассудить Скоби Редферн, оказаться в очередном мире глубоко под землей и быть заживо погребенными, не успев вовсе ничего предпринять. Каждый раз, когда

они безопасно справлялись с переходом, Редферна пронзало чувство облегчения. На этот раз они упали на восемнадцать дюймов и приземлились на холодный кафельный пол.

Редферн открыл глаза.

Перед ними была древняя старуха, неразборчиво что-то бормочущая в смертельном испуге. Потертое платье висело на ней, как на вешалке, а завитые волосы напоминали проволоку. Старуха воздевала костлявые руки, словно бы отгоняя дьявола. Редферн не сомневался, что они выглядят странно — сплошь опутанные паутиными шарфами, в новой белой одежде, порванной в змеиной пещере и вымазанной в грязи на речном берегу, с оружием наготове и с мрачными, беспощадными лицами. И все это не говоря уж о том, что они только что появились перед этой женщиной прямо из воздуха. Путешественники постарались успокоить старуху и она, по-прежнему считая, что они то ли дьяволы, то ли вестники от Золотого Рангавицаха, рассказала им, где находится торговый квартал города. Вал сладко улыбнулась ей на прощанье.

— Не бойтесь, ибо, клянусь Арланом, мы не причиним вам вреда. Когда вернемся, мы принесем вам подарок. Чего бы вы больше всего хотели?

Дубленое морщинистое лицо старухи еще сильнее сморщилось от удовольствия, а в глазах появилось выражение, напоминающее о маленькой девочке, которой она была когда-то. Старуха возбужденно пристукнула метелкой.

— Я хочу новые вставные зубы! — откровенно заявила она.

— Из этих проклятых все верхние повываливались, так что я много лет уже не пробовала сладких орехов! Редферну казалось, благодаря спрятанному в волосах переводчику, будто старуха говорит с ним на совершенно понятном языке. Вивасьян сообщил, что этот переводчик является последней моделью и бесконечно превосходит старые образцы с ручной настройкой. Услышав последние слова он разразился веселым смехом.

Они вышли в нарангонский город, питая больше надежд на будущее, чем когда-либо с тех пор, как покинули Сенчурию.

— Вивасьян говорил, что путь, которым мы прошли — это путь напрямик, отправившись по которому мы срезаем много измерений, — заметила Нили, шагая вперед. Она обрезала подол своего платья намного выше колен и теперь ее крепкие ноги свободно мелькали на солнце. — Он говорил, этот путь слишком опасен...

— Но по долгому пути вкруговую нам бы пришлось пройти куда больше измерений, — ответила Вал. — И очень длинные участки пути от одних Врат до других. И вышли бы мы сюда очень далеко от города через какое-то измерение, которое он, по-моему, назвал Шарнавой.

— Большая часть риска прилась на твою долю, Вал, — сказал Тони.

Он в последнее время становился все молчаливей, тогда как Нили расцветала. Редферн догадывался, что на долю юноши выпали все тревобления, связанные с ожиданием появления на свет новой личности.

Они шли по проспектам, окруженным низкими, широкими домами с желтыми крышами, белыми стенами и красными дверями, немногочисленные и сплошь зарешеченные окна которых указывали на культуру, направленную внутрь жилища, использующую внутренние дворы. Светило солнце, хоть и не столь горячее здесь, как в Сенчурии. Люди проходили мимо них, не уделяя второго взгляда, несмотря на всю экзотичность облика путешественников. Улицы заполняло большое количество транспорта, запряженного лошадьми и диковинными конопатыми животными, а также электрических автомобильчиков на толстых надувных шинах, скиммеров и аппаратов на воздушной подушке. Множество культур беспорядочно смешивалось здесь, так же, как и в Сенчурии. Широкие улицы и площади наполняли живое трепетание деятельности, целенаправленное движение.

— Под вывеской с арбалетом на улице Ножевщиков, — припомнил Редферн адрес, который им дал Вивасьян. Найти улицу Ножевщиков оказалось легко, она была всего в двух кварталов от того места, где они спросили дорогу, а дом под вывеской с арбалетом

располагался точно посередине улицы — большой белый трехэтажный дом с желтой крышей, хмурый, с глухими стенами. Это и была цель их пути.

Густо позолоченный арбалет висел прямо над дверью. На звонок вышел человек с бросающимся в глаза брюшком и бородой, который впустил их в прихожую. Там они должны были ждать, пока за ними пришлют. Редферн чувствовал себя, как банковский клерк, ожидающий вызова к президенту, и это чувство ему не понравилось.

Когда их наконец допустили внутрь, люди, перед которыми путешественники предстали — главным среди них был некто с твердым лицом, в алом бархатном облачении, поведение которого, вкупе с многочисленными золотыми цепочками, не оставляло сомнений, что он считает себя на голову выше кого бы то ни было — объяснили причину такого с ними обращения. Они проникли в Нарангон не через аккредитованный Портал. Явившись неправильным путем, они напугали старую женщину. Следовало заплатить определенные взносы, пошлины, подорожные... Редферну показалось, что с ними шутят. Нарангонский посредник, бюрократ по имени Нарумбль Четвертый, с кислым видом указал, что дела и шутки несовместимы. Редферн тотчас же понял, что бюрократа можно будет провести: ни один дурак никогда не делал более дурацкого высказывания.

Междумерная торговля была привычна для нарангонцев. Многие измерения оставались для них закрытыми, будучи собственностью других народов или торговыми зонами прочих великих рас, таких, как порвоны, сликоттеры, замахи, однако и нарангонцы тоже были великой расой.

— Как инфальгоны? — спросил Редферн с обезоруживающей наивностью.

С тем же успехом он мог взорвать в комнате бомбу-вонючку. Вал первая уловила опасные признаки и поспешила снять напряжение, чреватое неминуемым взрывом, объяснив причины их появления здесь. Когда Нарумбль Четвертый узнал, что они хотят выменять оружие для сражения с инфальгонами, манеры его сразу изменились. Он враз превратился в бизнесмена, которому предстоит сделка, доставляющая к тому же личное удовольствие — словно карфагенянин, продающий слона наемнику, которому предстоит военная экспедиция против Рима.

— Стало быть, эта злинкская требуха напала на Сенчурию?

Они самая гнусная форма жизни, какую мы знаем: извращенная, неотесанная, нездоровая... — Нарумбль Четвертый прервался, лицо его покрылось красными пятнами, многочисленные подбородки дрожали, все тело сотрясало от гнева и омерзения. — Только порвоны еще хуже, чем инфальгоны! Редферн показал толстяку свой меч.

— Мы уже разбили орду летающих зомби. Дайте нам оружие, и мы довершим дело, — эта фраза всегда приходилась кстати.

— Дайте? — Нарумбль Четвертый тотчас придержал лошадей.

— Мы осуществляем поставки лишь при условии оплаты, — он с содроганием посмотрел на трофейный меч. Вот теперь, обеспокоенно подумал Редферн, будет самое сложное.

— Нам нужно то, что называют Паракватическим Негативным Когератором...

— ПНС! Немыслимо! Они используются исключительно в нарангонских вооруженных силах.

— Мы об этом слышали. Но нам нужен панеко, и нужен крайне. Инфальгонские боевые машины уже сейчас, в эту самую минуту, НА ТОМ САМОМ МЕСТЕ, ГДЕ МЫ СТОИМ надвигаются на Сенчурию!

Нарангонцы с глупыми улыбками принялись оглядываться вокруг, потрясенные, при всей своей привычности к междумерным связям, осознанием того, что происходит ПРЯМО ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС за невидимыми стенами.

— Мы также слышали, — продолжал Редферн, подпуская в голос немного железа, — что вы всегда домогались от Сенчурии одной вещи. Так вот... — он позволил последним словам повиснуть в воздухе.

Нарумбль Четвертый задрожал. Возбуждение его достигло такой степени, что стало

отталкивающим.

— Вы хотите сказать... процесс омоложения? Вы хотите обменять его на панeko?

— Ваше измерение и Сенчурия ведут торговлю многие годы, как прямо, так и через посредников. Теперь Сенчурия нуждается в вашей помощи и то, в чем вам прежде отказывали, может быть предоставлено. Нам нужно четыре панeko. Что вы на это скажете?

— Это большое... важное... Городской Совет!.. Консультации... я должен сообщить высочайшему... — бормотал Нарумбль.

— Поторопитесь. Времени немного. Ах да, и когда будете консультироваться, можете предложить своему правительству выслать армию, чтобы помочь нам в войне против Инфальгона. Нарумбль, поспешая вон, бросил на него сердитый высокомерный взгляд.

— Мы предоставим необходимую военную помощь, — бросил он с таким видом, будто это само собой разумеется. И вышел.

— Странно, однако же, — заметил Редферн. — Я вот о чем говорю: те, кто живет вокруг них в других измерениях, для этих людей важнее, чем живущие в нескольких сотнях миль на этой самой планете. Вместо географических открытий и расселения получаются междумерные контакты, торговля... и войны.

— Хотел бы я, чтоб они поторопились, — нервно сказал Тони. Нили на него шикнула.

Когда, наконец, Нарумбль вернулся, он привел с собой других, выше него стоящих в чиновничьей иерархии людей со строгими официальными лицами, которые пожелали иметь полный отчет о деле, прежде чем они войдут с этим делом к высочайшему. Редферн объяснил, что у них в рюкзаках находятся все необходимые части, чтобы начать возведение зала омолаживания, но напоследок предупредил:

— Все рюкзаки снабжены взрывателями. Пока мы не получим четыре панeko, вы не получите сенчурианского омолаживателя. Снова им пришлось ждать, и на этот раз ожидание начинало раздражать Редферна. Тони уже нетерпеливо расхаживал из угла в угол, измученный и рассеянный, и мелочно огрызался на грубоватые утешения Нили.

— Что они затевают? — восклицал он. — Галт... Галт остался в Сенчурии. Может быть, он уже мертв. Ради блаженного Арлана, ПОСКОРЕЕ! — злобно закричал он, обращаясь к бесстрастным стенам.

— Удивляюсь, что ты еще заботишься о Гал... — начал было Редферн, но Вал шикнула на него и склонилась к его уху.

— Тони ничего не знает про Галта. Пусть сохранит свои иллюзии, ладно, Скоби?.. Пожалуйста!

Редферн вспомнил закрывающуюся дверь в башню и вытолкнутую наружу Вал и мрачно кивнул.

— Тони пусть. Но я намерен перекинуться с Галтом парой слов, когда мы вернемся.

Наконец Нарумбль с высокими чиновниками вернулись, на сей раз вместе с еще более крупными чинами, которые тряслись под грузом своих золотых цепей и меховых шапок. Высочайший согласился. Он был уже в преклонном возрасте: сумеет он снова стать юношей, чего только нельзя было бы достигнуть! Все старцы, собравшиеся в комнате, сочувственно захихикали, мысленно сами себя поздравляя. Нарумбль бросил на изящную фигурку Вал взгляд, полный забытого огня. Редферн засмеялся и погрузился в детали сделки.

Сенчурийские рюкзаки передали из рук в руки и выгрузили из них детали. Все элементы конструкции были на месте, вплоть до последней мелочи. Взамен им вручили четыре Паракватических Негативных Когератора. Редферн взял один из них в руки.

— Это оно и есть? — с сомнением спросил он.

Оружие выглядело, как детский пластмассовый водяной пистолет с несколькими уже более серьезного вида штучками сбоку. Редферн повел стволом и старцы, без сомнения, уже размышляющие о радостях предстоящего омоложения, бросились прочь от дула.

— Не касайся спускового крючка! — взвизгнул Нарумбль Четвертый. Редферн мог держать пари, что тот подсчитывает про себя, Нарумблем под каким номером он теперь станет.

— Разумеется.

Панеко работало, всасывая в себя связывающую энергию и нарушая таким образом связи между молекулами мишени. Просто, точно и смертоносно — Редферн ощутил, как в его мозг закрадывается темная подземная дрожь от ужаса перед силой, которую он держал в руках.

— Ну, значит, это оно и есть, — подытожил он, чувствуя острейшее облегчение.

— Вам, по всей видимости, не мешало бы подкрепиться... — и Нарумбль Четвертый нарумблил прочь. Путешественники согласились принять всего несколько плоских крошащихся лепешек, да по бокалу сухого вина. Они торопились возвратиться в Сенчурию, отчаянно торопились, сознавая свою ответственность и расстояние — не географическое, но междумерное — которое предстояло преодолеть.

— Послушайте, — осведомился Редферн, заглатывая последнюю крошку, — не могли бы вы одолжить нам какой-нибудь транспорт, чтобы мы могли преодолеть пространство, разделяющее Врата в следующем измерении? Я не слишком уверен... — он бросил взгляд на Вал.

Та покачала головой.

— Нет времени на длинный обходной путь. Мы вернемся тем же путем, как пришли.

Один из коллег Нарумбля заметил:

— В Шарнавое вам бы пришлось совершить очень дальний полет на грифах, потом перебраться в измерение под названием Огайо, а оттуда долго ехать автомобилем в другую часть этого измерения, называемую Манхеттен, а потом еще измерения три или четыре до Сенчурии.

Редферну показалось, будто комната вокруг него закружилась. Он почувствовал, как краска заливает ему щеки, лоб, шею. В ушах у него послышался громкий гул. Земля!

Он мог бы шагнуть прямо из этого мира в такое место, откуда его доставят в Огайо, уйти прочь от всех ужасов, с которыми вынужден сталкиваться.

Он мог бы взять Вал... Она должна пойти, чтобы переправлять его через измерения...

Конечно же, он не может уйти, потому что она не захочет. Она будет ему цитировать Арлана и говорить о Волшебниках, а он кивнет и согласится, и они вернутся. Но Земля, Земля...

Редферн решил ничего не говорить. Он сам принял решение, ему и возиться со своими сетованиями, а не Вал, Нили или Томи.

Он сунул супернаучное достижение в кобуру и повесил кобуру на пояс.

Остальные трое повторили эти же действия. Лепешки помогли заморить червячка, а вино, хоть и измучило глотку вяжущим вкусом, зато согрело и укрепило. Редферн ласково посмотрел на Вал. Нили любовно поглаживала панеко в кобуре, словно мать — новорожденного ребенка. Тони с полуулыбкой смотрел на Нили.

Ну что ж, отличные у него товарищи. Они пройдут. Должны пройти, не только ради Сенчурии и Галта с остальными, но также ради душевного спокойствия Вал и Тони. Они вышли из комнаты, угодив в суматоху спящих туда-сюда людей. К ним приближался какой-то шум, несколько человек пробежало бегом, оглядываясь через плечо на источник суматохи.

Необъяснимая, почти колдовская тревога заставила Редферна задрожать.

К ним по кафельному полу катилась толпа чиновников и мелких лизоблюдов, обходя похожие на папоротники растения в шарообразных горшках, и все направлялись к четверым путешественникам и сопровождавшим их бюрократам. Послышался громкий голос, полный абсолютной власти, звонкий хрустальный голос со слащавыми обертонами, вселяющими еще большую панику:

— Но ведь вы, конечно, ни на секунду не поверили, будто они принесли с собой сенчурийский процесс омоложения? Ах вы, свора мямлей! В любом случае, подобных процессов существует множество. Я не допущу, чтобы это оружие отдали Волшебникам! — женский голос стал раздраженной и пронзительней. — Я могу дать вам большее, чем вы

просите: подлинный эликсир жизни!

В ответ что-то протестующе скулил и бормотал мужской голос.

Невидимая женщина беспощадно отмела в сторону все возражения.

— Вы же высоко цените торговлю со мной! Я желаю, чтобы Волшебники Сенчурии были уничтожены — сами они и их город! Мне дела нет до инфальгонов — но я хочу, чтобы Волшебников уничтожили!

Слова женщины разили Редферна, словно вонзающиеся в сердце ледяные осколки.

— Вы меня знаете и знаете мою силу! Отошлите прочь этих болванов — без всякого оружия. Я желаю видеть, как Волшебники будут полностью уничтожены, сломлены, сокрушены, и все их друзья вместе с ними!

Глава 12

Вал схватила Редферна за руку, а спешащая вперед толпа между тем раздалась и женщина вышла вперед в горделивом одиночестве.

Высокая, величественная, подавляющая своей властью, она стояла в подчеркивающим ее острые груди платье, незапятнанно-белом от сборок у горла до пены из перьев вокруг подола. Темные ее волосы были убраны в высокую прическу, украшенную множеством драгоценных камешков, так что вся она искрилась и переливалась светом. Подсиненные веки и длинные темные ресницы, также подкрашенные и блестящие, безжалостные голубые глаза. Рот, словно розовый бутон, слишком маленький и излишне слащавый, напоминающий по форме лук купидона, поджат от злобы и отвращения.

— Это они и есть, эти создания?

— Да, госпожа, это торговцы из Сенчурии.

Редферн почувствовал, как ее взгляд задержался на нем, осязаемый, словно прикосновение паутины. Он тотчас подобрался.

Левое запястье женщины охватывал браслет, украшенный драгоценностями, а к нему крепилась длинная блестящая цепочка, позванивающая при каждом движении. Существо, сидевшее на этой цепочке, вышло из-за спины женщины, оказавшись на виду. На шее у существа был металлический ошейник, к которому присоединялась цепочка, и Редферн какое-то мгновение гадал, что же это за животное. Потом он понял и преисполнился отвращения.

Тварь на конце цепочки оказалась человеком, вернее, крошечным человечком с огромной шишковатой головой, покрытой потешной синей бархатной шапочкой. Перо на шапочке было сломано у самого кончика. Человечек был одет в темно-красный бархат с белым воротником, на фоне которого металлический ошейник особенно бросался в глаза.

Когда этот гномик двигался, цепочка начинала звенеть.

— Тихо, Соломон! — воскликнула женщина и жестоко дернула за цепочку.

Вал заметно передернуло. Ее стройное тело, вымотанное и выпачканное в путешествиях, задрожало.

— Клянусь Арланом! — воскликнул Тони и зашарил рукой у пояса.

Нили... Нили завопила, подробно перечисляя самые неприятные жабы привычки и выхватила излучатель. Бледно-зеленый луч окатил женщину в белом платье.

Та все так же стояла, высокая и грозная, безразличная к смертоносному излучению. Зеленый луч свивался в кольца, хлестал из стороны в сторону, точно вода из брандспойта и, наконец, погас.

— Бежим! — всхлипывая, крикнула Вал и дернула за руку Редферна. — Бежим!

Толпа хлынула прочь из зала. Люди и существа из иных измерений бежали и падали. Зеленый луч разрубил оказавшуюся у него на пути колонну и часть плоской крыши просела, обрушив вниз облако пыли и град кирпичей. Шум падения оглушил их. Редферн заметил, что женщина дергает за цепочку. Редферн заметил в тени уцелевшей части комнаты позади нее какое-то движение, увидел шляпу с широкими обвисшими полями и длинный грязный

дождевик. Увидел, как фигура в дождевике целенаправленно двинулась вперед, но на том месте, где должно было находиться ее лицо, он различил лишь две дыры, полных хищного огня.

— Труг!

Теперь он понял.

Люди разбегались во всех направлениях. Нарумбль Четвертый отшатнулся, его твердые черты исказила гримаса ужаса. Нили снова стреляла. Потом Редферн заметил, что она изменила прицел и обрушивает новые участки крыши. Наконец отчаянные призывы Вал побудили его к действию. Он толкнул Тони.

— Тони, пошли отсюда! И Нили веда! Быстро!

Но Тони издал вдруг торжествующий вопль. Он взмахнул своим панеко, наставив безобидное с виду дуло в гущу пыли и разрушения.

— Панеко справится с этой Монтиверчи! Вот момент, которого мы столько ждали! Все рабы, погибшие во всех шахтах Ируниума возвеселятся вместе со мной в этот момент отмщения и славы!

— Нет! Нет! — завизжал Нарумбль. — Ты разрушишь все! Не стреляй из панеко, идиот!

Бюрократ в развевающихся алых одеждах прыгнул к Тони. Ствол оружия задрался вверх. Редферну на мгновение показалось, будто он видит исходящую из дула тонкую дрожавшую линию — словно воздух, вибрирующий над горячей плитой; но излучается эта линия из дула, или, наоборот, втягивается в него из крыши здания, он не мог бы точно сказать. Во всяком случае, у него на глазах эта невещественная линия уплотнялась, густела и отвердевала до непроницаемой эбонитовой черноты. В тех местах, где этот черный карандаш касался здания, здание прекращало существовать. Воздух с грохотом заполнял образующиеся пустоты, пыль взвивалась столбом и таяла. Молекулы камня, кирпича и кафеля теряли между собой всякое сцепление. Тони с руганью отшвырнул от себя Нарумбля. Он старательно навел панеко на женщину в чистом белом платье и ее приплясывающего и бормочущего карлика. Черный карандаш абсолютного уничтожения миновал крышу, карниз, колонну, распыляя все на своем пути, и уперся в грудь женщины. Вот тут-то Редферн снова разинул рот. Этот бесчинствующий разрушительный луч, извлекавший энергию из тех самых объектов, которые уничтожал, распускался и ширился. Раздувшись, точно капюшон кобры, он образовал шарообразную оболочку вокруг женщины и карлика. Женщина расхохоталась визгливым маниакальным смехом. Потом Нили схватила Тони за руку. Вновь помянув жабы потроха, она закричала:

— У нее есть какая-то защита против него, Тони! Пошли!

Сейчас у нас есть шанс унести ноги!

Вал побежала, таща за собой Редферна.

— Другого шанса у нас не будет! — кричала она.

Стараясь в ругани выместить всю горечь несостоявшегося отмщения, Тони следовал за ними. Вместе четверо путешественников выбежали из здания с золоченым арбалетом и помчались по улице Ножевщиков.

Последнее, что они слышали, выбегая из средоточия разрушений, были вопли Нарумбля Четвертого, который, дрожа, поднимался с пола:

— Панеко ни разу раньше не подводило! Я не могу поверить!

— Нельзя получить все сразу, Тони, — бросил через плечо Редферн, мчавшийся со всех ног впереди. — Это ведь была графиня, не так ли? Ну, насколько я ее знаю, у нее на все найдется управа!

— Кошка! — пропыхтела Вал. — А мы так и не достали вставных зубов!

Редферн смеялся так, что ему чуть не стало плохо, стучась в домишко, в погребе которого находились Врата в иной мир.

Вместе старой карги, тщетно ожидающей новых челюстей, они наткнулись в погребе на пару стражников, коренастых ребят в выпуклых очках и обшитых кожей металлических

шлемах. Четверо путешественников утихомирили их с помощью нового оружия, собрались в группку и по команде Вал подпрыгнули в воздух. Находясь в восемнадцати дюймах от пола, Редферн ощутил слабый толчок дезориентации и в следующий миг уже стоял, шатаясь, на мягкой колыхающейся почве и задышался в дрожащем скоплении паутинок и ленточек.

— Сюда! — показала Вал, энергично проталкиваясь сквозь нити.

Размахивая мечом, Редферн помог ей очистить проход. Невидимый музыкант исполнял уже другое произведение. Вместо Опуса 73 в ми-бемоль мажор, он мог бы сейчас поклясться, что, барахтаясь в паутине, слушает Шестую симфонию, Опус 68 в фамажор. Может быть, эти две вещи, «Императорский концерт» и «Пасторальная симфония» — все, чем может похвастаться этот мир? Если так, они сделали неплохой выбор. Вал внезапно завизжала и остановилась. Тони налетел на нее.

Запах жасмина окатил их с головы до ног. Впереди что-то двигалось. Какой-то силуэт, огромный и белый, округлый и мохнатый плясал и подпрыгивал среди бесконечного потока текучих лент. Вначале из-за этого скопления парящей паутины Редферн так и решил, что это, должно быть, паук: огромный паук с ногами, толстыми, как деревья и огромными лязгающими жвалами, так и ищущими, кого бы высосать. Нили со своей обычной решительностью не поколебалась. Ее лучемер покинул кобуру и выстрелил. Тварь, что бы она собой ни представляла, залопотала, замяукала и, потеряв от выстрела половину тела, кувыркнулась назад, в слепящую метель лоскутков и ленточек. Это был не паук; что это было на самом деле, Редферн так и не узнал. Он подтолкнул Вал и закричал, громко и действительно:

— Молодцом, Нили. А теперь идемте к этим другим Вратам, да поскорей!

Они прорезали и пробивали себе путь вперед и у Редферна непрерывно чесалась спина от страшного подозрения, что вот-вот еще одно трупно-белое чудовище с вампирическими наклонностями обрушится на него, намереваясь высосать.

— Мы на месте, — выговорила Вал. Паутинки липли к ней и собирались на ее волосах в подобие диадемы. Все тяжело дышали, были напуганы и рвались поскорее выбраться из этого сумасшедшего измерения.

Редферн отчетливо увидел сквозь белый вихрь, как сверху на них медленно рушится еще что-то белое, огромное и мягкое. Он завопил. Рот его все еще был широко раскрыт, когда он погрузился всем телом в бурлящую воду. Задыхаясь и размахивая руками, они кое-как выбрались на поверхность. Коричневые волны катились вперед, пенясь и перехлестывая через переплетенные ветки наполовину погруженных в воду деревьев. Редферн схватился за Вал и поклялся, что даже смерть не разожмет его хватки. Мимо проплывало бревно и другую руку Редферн забросил на него. После некоторой борьбы, в результате которой он заметно ослабел и стал задышаться, Редферну удалось втащить Вал и себя на бревно. Они полусидели на бревне верхом, полулежали, а бревно между тем ныряло и кружилось в водоворотах.

Вал прокричала ему в ухо:

— Река разлилась еще больше! Место на берегу, откуда мы в тот раз отбыли, затопило — это значит, что и другие Врата, ведущие к пещерам, тоже теперь в реке! Редферн бешено закивал, вытряхивая воду из волос и глаз.

— Нас несет вниз по течению. К узловой точке. Когда мы в ней окажемся, если вообще окажемся — переноси нас, Вал!

— Я ее чувствую, — выпалила она в ответ. — Приближается!

Тони и Нили, боровшиеся с течением вместе, пронесли мимо на вращающемся бревне, несколько ближе к середине потока. Редферн на мгновение разглядел превосходную фигуру Нили, облепленную разодранным платьем. Тони хватал ртом воздух. Стремнина уносила их все дальше и дальше, быстрее и быстрее.

— Они плывут слишком быстро, они уплывают! — закричала Вал.

— Ищи Врата, Вал, Врата! — вопил в ответ Редферн. Их осыпало пеной и брызгами. В ушах звенело. Редферн жадно хватал ртом воздух и каждый раз выплевывал по чашке воды.

— Уже почти здесь, уже почти! Но как же Тони! И Нили!

— Их унесло, Вал! Подумай о Галте и Волшебниках. Мы попытаемся потом вернуться за Тони и Нили... А потом легчайший толчок оповестил его, что он перенесся из мира в мир. Редферн проглотил очередную порцию воды и уселся посреди тихо журчащего подземного ручья в полной темноте.

Фонарики осветили перед ними змеиную пещеру. Они двинулись дальше без разговоров, подавленные пережитым. Лишившись двоих товарищей, они казались сами себе голыми, беззащитными.

Однако — что им еще оставалось делать? Когда свечение фосфоресцирующего мха впереди указало им, что они приближаются к тому месту, где встретили гигантскую змею, Редферн заколебался. Он снова взял Вал за руку. Та ответила на пожатие, но улыбка ее была какой-то пустой.

— Мы вернем их, Вал, — пообещал ей Редферн.

С тех пор, как он связался с этими сумасшедшими измерениями, путь его отмечают непрерывные потери. Вначале он потерял Дэвида Маклина, Алека и Сару, не говоря уже о древесном жителе и мошеннике Моке. Потом ушли эти хитрецы из Тоттхорета — обожди-ка. Между этими событиями он ведь еще видел, как застрелили старину Обо. Это ему совсем не понравилось и он не любил вспоминать об этом. Галт пропал для него в несколько ином смысле, а мать Хаапан, омолодившись, превратилась в сплошной сгусток кокетства. А теперь вот уплыли Тони и Нили. Ну что ж.

Осталась только Вал.

Редферн не пожелал закончить эту мысль. Единственным стоящим приложением сил для него осталось доставить Вал невредимой обратно в Монтрадо. Сначала ему придется сделать все, что в его силах, чтобы помочь Волшебникам Сенчурии. Однако Редферн пообещал себе, хоть и не мог отделаться от ощущения жалкой смехотворности этого обещания, что бросит все, если Вал подвергнется новой опасности. С нее уже более чем достаточно. На этот раз он заставит ее подумать прежде всего о собственной шкуре. И к черту Арлана.

Вал была ключом — ключом к Монтрадо и ключом к Земле. Из темноты донеслось ледяное шуршание брачного партнера погибшей змеи.

Глядя на это живое бревно, на колоссальную клиновидную голову, на изогнутые клыки, блестящие, когда покачивалась в вышине, Редферн гадал, хватит ли у них времени использовать Вал как первый и самый важный ключ — ключ к Сенчурии. Дрожащей рукой он навел на змею лучевое оружие. Нажал на рычажок спуска. Ничего не произошло. Два желтых глаза изливали на них гипнотическое свечение.

— Река! Вода испортила оружие! — выдохнул Редферн.

Вал, дрожа, начала отступать, и тогда Редферн решительно извлек из кобуры панеко. Насколько ему было известно, этой штукой он мог обрушить на себя весь свод этого мира. Но больше он ничего не мог поделать. Голова двигалась, раскачивалась и вдруг метнулась вперед...

Редферн нажал на спуск.

Нематериальная дрожащая паутинка повисла в воздухе, дрожа, утолщаясь, сгущаясь в шнур полуночной черноты. Голова змеи рассыпалась в пыль и сырой воздух пещеры поспешил заполнить образовавшийся вакуум. В ушах грянул звук ударной волны.

Толстое туловище дергалось и извивалось. Чешуйки блестящие и переливались, напомнив Редферну чешую труга, которого он когда-то видел. Скоби с облегчением перевел дыхание.

— Все-таки мне это не нравится, — он дышал тяжело и неровно. — Но...

— Я думаю, даже Арлан не осудил бы этот поступок, — жалко пролепетала Вал.

Потолок застонал, с него посыпались пыль и каменные осколки, однако сводчатая крыша выдержала, крепко привязанная к неведомому верхнему миру.

Они продолжили путь. При каждом издаваемом ими шуме, каждом упавшем камешке,

каждом шарканье ног, Редферн вжимал голову в плечи, лихорадочно размышляя о том, что вполне могут появиться и еще гигантские змеи. Он потел и вертел головой во все стороны, напрягая глаза в попытках проникнуть взглядом сквозь тьму. Казалось, их путь никогда не кончится.

Наконец, Вал принесла благословенное облегчение, сказав:

— Мы пришли, Скоби. Врата здесь.

Редферну казалось, что он состарился на много лет, когда обвивал Вал руками и ожидал переноса. Для человека, который не любит, чтобы им помыкали, Скоби Редферн в последнее время пережил столько постороннего диктата, и столь жесткого, что раньше не мог бы себе представить даже возможность такого хоть для одного человека. В следующий миг они стояли на холодных камнях подвала под замком Волшебников Сенчурии.

На Редферна снизошло до странности неуместное чувство возвращения домой.

Твердое прикосновение нарангонского панеко, пристегнутого к поясу, поддерживало его обманчивой уверенностью в собственной силе и компетентности, подкрепленной вдобавок памятью об ужасной смерти гигантской змеи, хотя это воспоминание Редферн и считал постыдным. Он ощутил подъем духа. Кровь живой побежала по его жилам и, не радуясь предстоящей борьбе, он все же мог принять ее за отсутствием более подходящей альтернативы. Раз уж он будет вынужден сражаться, то по крайней мере, он будет сражаться подходящим оружием. Перед Редферном забрежили темные глубины, существования которых в своей душе он никогда не предполагал. Вал окликнула его. Вместе они побежали к украшенному драгоценными камнями эскалатору. Редферн выбежал во двор и бросился к укреплениям, доставая на бегу панеко. На этот раз охотником был он. Неплохая перемена.

Чего в точности он ожидал, Редферн не мог бы сказать — наверное, в точности такой город, каким он его оставил: на укреплениях группы людей, всюду дым, пламя и разрушение — город мертвецов, гара'хеки, кощунственно возрожденные к новой жизни, заброшенные, пустынные стены и здания. Вместо этого навстречу ему спешил Вивасьян с обмякшим от отчаяния лицом. Со стен особого шума не доносилось. Опускающееся солнце запуская сияющие руки в ущелья и переулки между зданиями, а стены сверкали искрящимися драгоценностями, ослепляя зрение.

— Вы вернулись... но поздно, слишком поздно! Мы должны поспешить. Все пропало...

— Поздно! — выдохнула Вал. Она казалась взбешенной.

— Поспешите, поспешите! — простонал Вивасьян. Он пробежал мимо них, торопясь к стенам оставленного ими позади замка. За ним следовали другие люди: старики, женщины, юноши. Вперемешку с ними бежали гара'хеки и суслинки. Это было настоящее бегство.

— Подождите! Подождите! — закричал Редферн. — У нас есть оружие!

— Поздно! — и Вивасьян, поддерживаемый под руки своими приближенными из числа Волшебников, поспешил прочь.

— Ну... — начала было Вал. Потом она увидела Галта.

Его темное бородатое лицо слишком ясно обнаруживало сейчас всю внутреннюю пустоту этого человека. Мина, находившаяся рядом с ним, скорее сама помогала Галту, нежели опиралась на него. За ними бежала мать Хаапан, по-прежнему лучащаяся красотой молодости, однако с напряженным и испуганным выражением на лице. Ее сопровождал мужчина, приходивший в свое время за ней в зал омолаживания. Редферн ухватил Галта за руку и принудил остановиться. Философ смотрел на него паническим, ничего не воспринимающим взглядом.

Редферн встряхнул его.

— Что происходит, Галт?

Тот что-то невразумительно лопотнул. Мина испуганно прошептала:

— Вал! Ты вернулась... это хорошо. Ты можешь помочь этой другой Проводнице. Мы эвакуируем город Сенчурию...

— Эвакуируете? ДРУГАЯ ПРОВОДНИЦА?

— Да, да. Ты что, не расслышала? Теперь поспешим с нами. За нами пришли, нам

помогут, нас заберут в другое измерение. Но мы должны торопиться. Боевые машины инфальгонов уже почти у самых стен!

Вал бросила взгляд на Редферна. Мать Хаапан, пробегая мимо, окликнула:

— Вал! Ты как раз вовремя, чтобы спастись. Поторапливайся!

— А эта другая Проводница, — хрипло проговорил Редферн.

— Где она?

— Возле Рубиновых Ворот, по ту сторону Хризобериллового Крыла. Они перенеслись сюда из другого измерения и теперь уводят нас в безопасное место.

Редферн, как безумный, помчался к Хризоберилловому Крылу, за которым находились сады с хризантемами и Рубиновые Ворота. Вал тяжело дышала рядом. Они расталкивали спешащих людей, перепрыгивали через клумбы. Когда они добрались до ворот, импозантного сооружения, выложенного рядами крупных рубинов, Редферн услышал со стороны стен первые угрожающие звуки. Быстрый взгляд, брошенный в ту сторону, показал ему, что в стенах начинают появляться отверстия. Инфальгонские боевые машины пробивали себе путь в город. Редферн заколебался: панeko может остановить их; но он твердо знал, тверже, чем знал что-либо в жизни, что должен добраться до этой другой Проводницы.

Рубиновые Ворота закачались. Один ряд рубинов целиком выпал и по пыли покатилося целое состояние. Люди кричали и разбегались. К Редферну подскочил низенький, но очень широкий в плечах человек, кипевший энергией. Он был одет в необычные блестящие доспехи и размахивал длинным мечом. На поясе у него висело ручное оружие незнакомой Редферну конструкции. Он выглядел, словно воплощение самого дьявола — человек, несомненно, способный одним ударом меча развалить пополам быка.

Он заорал на Редферна сквозь облако пыли, и Редферн понял его слова через переводчик, обруч которого был укреплен у него на голове:

— Возвращайся в очередь! Сначала женщины и дети!

Из тучи пыли вышагнул человек гигантского роста, державший секиру такого размера, что казалось, ни одному из смертных она должна быть не по силам. Огромное лицо, покрытое шрамами, выдавало свирепую жестокость варвара. Беженцы разбегались с его пути, отчаянно кидаясь к Рубиновым Воротам.

— Останови их, Фезий! — прогремел великан. — Сару скоро совсем затопчут!

— Оффа, фигляр ты этакий, а я что, во имя Амры, по-твоему делаю!

— Нечего тебе с ними разговоры разговаривать! Клянусь Маком Черным, я нескольких уложу, пока...

— САРА! — возопил Редферн. — Вы хотите сказать... Сара?

Коренастый коротышка глянул на него так, будто Редферн только что вылез из какой-нибудь грязевой ямы.

— Уши у этого олуха есть, только он не умеет ими пользоваться, — и тут же изменил направление мыслей, быстрый, как ртуть. — Что тебе известно о моей Саре?

— А Дэвид Маклин здесь? И Алек?

— Ха! Этот парень всех знает!

— Вот эта девушка — это Вал — она тоже Проводница! — прокричал Редферн сквозь царящий грохот. — Она может помочь Саре... Я должен расправиться с инфальгонскими боевыми машинами...

— Еще одна девушка, обладающая силой! Клянусь Амрой, это здорово! — Затем до Фезия полностью дошло сказанное Редферном. Он нахмурился, так что его лицо стало похоже на горгулью с водостока. — Сражаться собираешься! У них есть оружие страшной силы...

— А у меня есть вот это! — прокричал Редферн, размахивая панeko.

Он вспомнил, что Маклин говорил с Сарой там, на той платформе в ветвях мирцинийского дерева, о Фезии и Оффе. Значит, Маклин прислал за ним своих друзей! Он не забыл его! Сознание этого согревало душу Редферна. Он повернулся и бросился бежать

обратно, против потока беженцев. Не успел он достигнуть стен, как его нагнали Фезий и Оффа, побежав по бокам. Редферн почувствовал себя совершенно в своей тарелке.

Фезий проворчал:

— Мы тебя как раз ищем, Скоби Редферн. Дэвид все себя винил, что ты тогда угодил в руки Монтиверчи. Они тогда едва унесли ноги, но ты вообще пропал. Можно было догадаться — куда. Мы шли по твоему следу... а потом угодили в этот приятный маленький скандальчик с инфальгонами. Они добрались до стен. Тут и там в них зияли проломы.

Редферн взглянул на травяное море.

К городу катили массивные гусеничные машины. Многие уже уткнулись в стены и пробивали их. Другие, наезжая на них сверху, переваливали через зубцы парапета. Намного превышающие размерами самые большие из земных танков, эти машины двигались с грозной тяжеловесной медлительностью, заставляя замирать сердце безжалостной неостановимостью своего продвижения. Над ними вертелось несколько стаяк кристаллов и даже на таком расстоянии Редферн ощутил волны ненависти, но машинам она ничуть не мешала.

— Да, вот уж черное порождение Амры, — проворчал Фезий.

— Даже сенчурийские излучатели эмоций их не могут остановить.

— Да. Но вот это сможет.

Редферн навел панeko и вновь в воздухе возникло это невещественное силовое дрожание, сгущавшееся в черноту. Боевые машины таяли в ней, распадаясь пылью, и воздух гремел, заполняя вакуум. Редферн повел оружием вдоль стены, пробивая полосы и пустоты в рядах машин, старательно выцеливая каждую и ожидая, когда же они начнут реагировать. Сопровождаемый по бокам двумя венудайнцами, Редферн взялся за обход стен. Он устроил инфальгонским боевым машинам победоносную бойню; он не оставил даже признака того, что они когда-то существовали.

Реакция врагов, когда она последовала, далеко не могла сравниться с разрушительной мощностью панeko. Теперь Редферн чувствовал облегчение, что второе оружие осталось у Вал. Он оставил его при ней совершенно преднамеренно, поскольку знал, что наличие панeko неизмеримо увеличивает ее шансы выжить.

Боевые машины изрыгнули языки пламени. Один из метательных снарядов ударился о зубец и разорвался пенным фонтаном. Трое отскочили от парапета. Редферн уловил носом вонь кислоты и захихикал.

— Им следовало придумать что-нибудь получше!

С помощью негативной когерации он отправил в небытие оставшиеся машины.

— Волшебники испробовали на них свои зеленые силовые лучи, — веселясь, заметил Фезий. — Бесполезно. Но это твоё оружие, Скоби — это поистине король-оружие!

— Оно мне кое-чего и стоило, — сухо ответил Редферн.

Когда все инфальгонские боевые машины были уничтожены и усталость навалилась на Редферна, что показалось ему до странности успокаивающим, Скоби спустился со стен. Фезий и Оффа последовали за ним. Они нашли Сару и Вал, все еще переправляющих людей сквозь Врата, находившиеся за Рубиновыми Воротами.

— Куда они ведут? — догадался спросить Редферн.

Вокруг толкались люди, не совсем понимающие, что случилось и несколько сожалеющие, что после объяснений Редферна с двумя девушками переход сквозь Врата прекратился.

— Вы теперь в безопасности! — заорал Фезий голосом, хлещущим, как кнут — только такой и можно ясно расслышать, когда он раздается со спины грифа. — Идите домой. Мы вернем ваших друзей обратно...

— Откуда?

Вал устало засмеялась и откинула со лба прядь каштановых волос.

— Сара молодчина, — серьезно сказала она. — Я понятия не имею, куда мы посылали этих людей. Сара, психоделическое платье которой оставалось безупречно чистым,

захихикала в ответ. Она по-особому посмотрела на Фезия, когда этот динамичный сгусток энергии подошел поближе.

— Неважно куда, важно, что мы отправляли их в безопасное место, а теперь они могут вернуться обратно. Ну, это измерение под названием Шосунат. — Сара с намеком посмотрела на Редферна. — И, насколько я помню, оттуда имеется прямая связь с Землей.

Вивасьян, взъерошенный, но сохранивший чувство собственного достоинства, тяжело дышал.

К ним присоединились Галт и Мина. Первым побуждением Редферна было повернуться к бородатому философу-арланианцу спиной, но потом он решил — что прошло, то прошло. Он рассказал им, что случилось с Тони и Нили и на мгновение наступила скорбная тишина. Затем в нее жизнерадостно вмешался нестигаемый Фезий, заявив:

— Раз у них с собой парочка этих панек, я бы особенно не беспокоился. Мы их вытащим.

— Конечно, — подтвердила Сара. Она улыбалась Редферну.

— Дэвид и Алек вернулись в Нью-Йорк. У нас есть новости.

Графиня...

Редферн рассказал ей про графиню.

Сара скорчила рожу.

— Эта сучка, право слово, становится слишком утомительной. Скоро нам придется по-настоящему заняться Пердитой!

— Мне она показалась очень славной женщиной, — проворчал Оффа.

Фезий, помянув некоего фигляра и олуха, отметил, что любая соплячка легко обведет Оффю вокруг мизинца, а Оффа, в свою очередь, помянул Мака Черного и возразил, что Фезием-то точно любая ведьмочка способна командовать и что... Вивасьян с обступившими его людьми от имени всех Волшебников Сенчурии поблагодарил Вал, Редферна и их друзей.

Редферн хитровато ответил:

— Все это надо рассматривать исключительно как сделку, Вивасьян. Принципиальность и деловая хватка. Ты сам назначал правила. Я тебе дам знать, чего мы хотим взамен.

— Может дороговато выйти, — вставил Фезий, неспособный не вмешиваться.

Редферн вспомнил Тони и Нили, вспомнил свой поход по разноцветному лесу, суслинок, гара'хеков и доилку эмоций у себя на голове и кивнул. Он, конечно, приобрел некоторое понятие о том, как высшие причины иногда заставляют применять к людям давление, но это несколько не помогло ему давление полюбить.

— Мне кажется, однако, я знаю, чего мы хотим в первую очередь, — сказала Сара. — Я за то, чтобы отправляться домой.

— Я тоже, — согласился Оффа. — Вы теперь с Фезием можете, как обычно, посвариться из-за того, где именно у вас дом.

— Домой, — подтвердил Редферн. — На Землю.

— Домой, — подхватила Вал. — В Монтрадо.

Ну, можно и им посвариться из-за этого тоже, однако Редферн не сомневался, что уж эту-то проблему ничто в мире — во всех его измерениях — им не помешает решить.